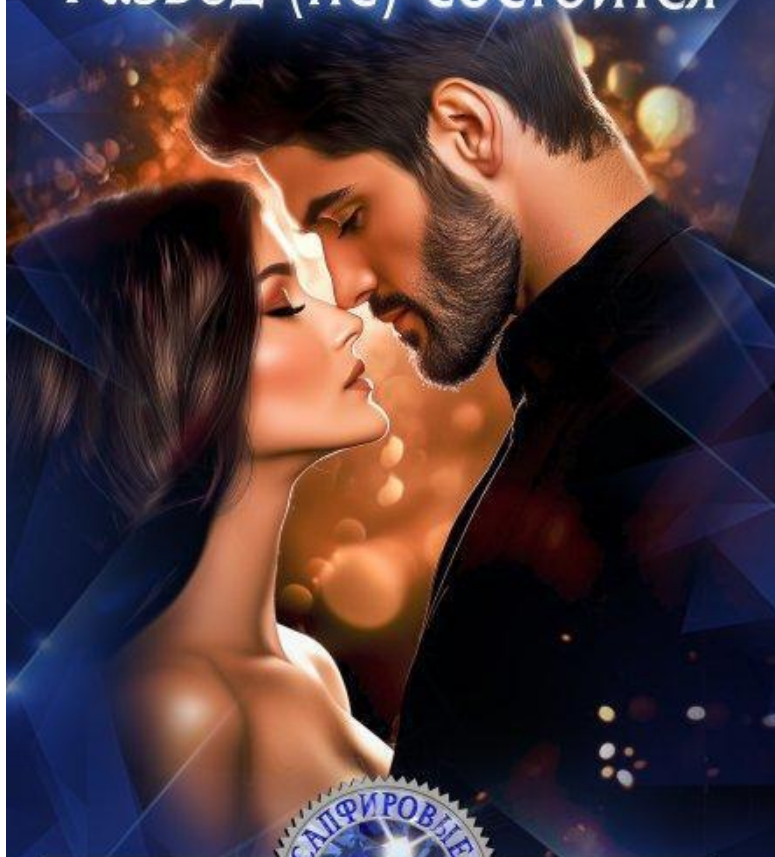

Развод (не) состоится

ДИАНА

РЫМАРЬ

Диана Рымарь

Развод (не) состоится

<https://litres.ru/74203343>

Аннотация

— Я подаю на развод, — огорошивает меня муж. Роняю блюдо с виноградом, смотрю на него во все глаза. — Ты серьезно сейчас? — Серьезней некуда, — цедит он с плохо скрываемым пренебрежением. — А ты катись отсюда. — Куда? — Не моя проблема! — разоряется он. — Двадцать лет о тебе заботился, все, баста, хватит, вот где ты у меня уже сидишь... Муж постукивает себе по шее ребром ладони и продолжает: — Доставай чемодан, складывай туда свои лифчики-трусы и катись. Но больше ничего трогать не смей. Чтoб ни одной чужой вещи из дома не уперла, поняла меня? Еще минуту назад это был наш дом. И все вещи, что окружают нас, были выбраны мной. Вплоть до носков и трусов моего мужа. А теперь вдруг я не должна упереть ничего чужого? Но больней всего мне не из-за мелочности мужа. — А ты сюда Розочку приведешь? — Меня коробит, когда произношу имя его любовницы. — Обязательно приведу, — кивает он с довольным видом. — И она мне еще нового ребенка родит... — А старых ты куда денешь? — щурю глаза. — Дочку, близнецов... — А что старые? — пожимает он плечами. — Сыновья меня поддержат. А дочь уже взрослая, замужем. Ей-то какая разница? Действительно, какая дочери

разница, что папа выкинул из дома маму. И сыновьям тоже... — Смирись и уйди тихо, — продолжает плевать ядом муж. — Ты в моей семье — лишний элемент. *** Мне тридцать восемь. Я двадцать лет в браке, отдала семье всю себя, ничего не осталось. И теперь я — лишний элемент. Отбракованный материал. А все-таки как хорошо, что я не сказала мужу про новую беременность.

Содержание

Глава 1. Как она узнала	5
Глава 2. Большой бум	12
Глава 3. После большого бума	17
Визуал	24
Глава 4. Сама виновата	25
Глава 5. Квиты	30
Глава 6. Сумеречная зона	46
Глава 7. Осколки	56
Глава 8. Новая жизнь	66
Глава 9. Сториз	73
Глава 10. Откровения	81
Глава 11. Искры из глаз	89
Глава 12. Как она могла?	93
Глава 13. В засаде	99
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Глава 1. Как она узнала

Выгнать женщину легко.

Вернуть порой бывает невозможно.

Диана Рымарь

Глава 1. Как она узнала

Ульяна

— Ну где ты там? Мне долго ждать? — доносится из спальни оклик мужа.

Я бросаю не разложенное постельное белье на диване в гостиную, спешу на зов.

Подхожу, с улыбкой подмечаю, как Мигран любит себя перед зеркальным шкафом.

И вправду ладный у меня муж, хотя в этом году справил сорокалетие. Все при нем — и подтянутая фигура, которую он так любит упаковывать в деловые костюмы, и скуластое, по-мужски красивое лицо. Большие карие глаза, черные волосы, брови, всем бог наградил.

Рядом с ним я смотрюсь немного блеклой — это из-за светло-голубых глаз и отсутствия макияжа, хотя цвет волос у нас с ним почти одинаковый, я давно крашу их в темно-коричневый.

— Давай уже. — Он нетерпеливо меня подгоняет.

Киваю, подхожу ближе, чтобы завязать галстук. К темно-синему костюму я выбрала мужу такой же галстук, только на тон светлее.

Я — профи в завязывании галстуков, если что. Еще не было ни единого раза, чтобы муж делал это сам, всегда просит меня.

Когда заканчиваю, убираю с его плеча несуществующую пылинку, и он снова собой любит.

Мигран слегка наклоняется, поначалу даже не понимаю зачем.

Тогда он показательно постукивает пальцем по чуть поросшей щетиной щеке, давая понять, что ждет поцелуя.

— Уля...

Целую, грустно вздыхаю.

— Уж прости, в этом году корпоратив без жен, — пожимает он плечами. — Пришлось немного урезать бюджет.

С этими словами он на миг приближается ко мне, задирает домашнее платье и щиплет за попку.

— Ой! — только и успеваю взвизгнуть, как он меня отпускает и уходит.

Опускаю подол платья, тру ягодицы.

Мигран вечно так — щиплет за одно и то же место, сколько ему ни говори, что, вообще-то, больновато. Не слушает.

Но тот факт, что моя филейная часть до сих пор его интересует, мне приятна, так что я не слишком злюсь на мужа.

Подхожу к окну нашего двухэтажного дома.

Наблюдаю за тем, как он садится в лексус и укатывает на свой родимый корпоратив. Весь такой радостный и одухотворенный.

Еще бы ему не радоваться.

Мой муж многого добился. Его торговой фирме десять лет, выросла изрядно, несмотря на всякие кризисы, рост доллара и прочее.

А все-таки грустно, что в этом году меня на корпоратив не взял. Я, конечно, не очень-то и просилась. Что мне там делать? Там все такие важные и деловые, а я домашняя кошечка, как муж меня называет. Забочусь о семейном очаге, ращу детей.

Кстати о детях...

Пользуюсь моментом и, пока нет мужа, решаю все-таки сделать тест на беременность. В последний год у меня скачет цикл, так что задержка в пару дней еще не криминал, но я чувствую... Не простая это задержка. Ведь меня подташнивает ровно так же, как в начале предыдущих беременностей.

Иду в ванную, проделываю необходимую процедуру.

Трясущейся от волнения рукой держу тест и жду результата.

Который оказывается положительным...

Вижу вторую полоску, совершенно бездумно кладу тест на полочку в ванной, прямо возле корзины с полотенцами.

На какое-то время зависаю, обдумывая свое житье-бытье.

Тридцать восемь лет, и залетела...

Как умудрилась?

Предохранялись же.

Память услужливо подкидывает момент, когда моему супругу было лень идти за очередной резинкой, и мы с ним в ванной без всего... Может быть, тогда? Потенция у Миграна конская.

Что скажет мне на беременность врач? Первый раз я родила в девятнадцать, дочку, а через четыре года мальчиков близнецов. Можно сказать, отстрелялась в юности, больше детей не планировала.

Честно сказать, я давно не проверяла организм, не знаю, что у меня да как. Вроде бы здоровая, но с возрастом все меняется.

С другой стороны, если ребенок уже зародился, какие варианты?

Уж как-нибудь выношу, надеюсь.

Мигран сто процентов будет рад.

Давно намекал на четвертого ребенка, но я была против. Как по мне — троих вполне достаточно, их еще попробуй вырасти.

И тут залетела... Уж есть как есть.

Я сглатываю накатившую дурноту. Иду на кухню, чтобы пожевать лимона, может это поможет?

Отвлекаюсь на приготовление ужина. Продумываю, как завтра за завтраком скажу Миграну о беременности. Сего-

дня уже, наверное, не стоит, он вернется поздно, да и наверняка подшофе.

Неожиданно вспоминаю, что бросила в гостиной глаженое постельное белье для близнецов. Возвращаюсь туда, забираю его и иду в спальню Арама, меняю там постельное. Следующая на очереди спальня Артура.

Еще не доходя до его комнаты, слышу, как гогочут мои крошечные сыночки, каждый по метр восемьдесят ростом. Я собственным детям по подбородок, и это им только по пятнадцать, что же будет дальше? Наверняка догонят отца, который ростом почти метр девяносто. Или даже перегонят...

— Это ее отец жучит?

— Ага, ее...

Слышу болтовню, да так и замираю в дверном проеме.

Отец жучит?! Я достаточно общаюсь со своими сыновьями, чтобы сообразить, что значит слово «жучить».

Ерунда какая-то!

Замираю на месте и наблюдаю, как они с большим удовольствием смотрят на планшете какое-то видео. При этом активно его комментируют:

— Бомбезная девка.

— Топчик, я б ее сам отжучил с превеликим.

— Ты посмотри, как отец зажигает...

Наконец я выхожу из ступора, шагаю в комнату и швыряю постельное белье на кровать.

Сыновья вздрагивают и оборачиваются.

— Мам, ты как пума, бесшумная вообще! — ворчит Артур. — Я ж говорил, стучись! Тебе такое понятие, как личная жизнь, вообще не знакомо?

Игнорирую его хамоватый тон, строго спрашиваю:

— Что вы смотрите?

— Так, хрень всякую, — машет рукой Артур.

— Ерунду, не обращай внимания, — вторит ему Арам.

При этом Артур прячет планшет за спиной. Как маленький, ей-богу.

— Немедленно отдайте планшет! — требую я.

— Мам, да ты че... Там ниче такого.

Артур демонстративно вытаскивает его из-за спины и протягивает мне.

Планшет выключен.

Видимо, он нажал на кнопку, пока держал его за спиной.

Тем не менее беру его.

— Это, вообще-то, свинство — копаться в гаджетах детей. Зашквар, мам! Но если так надо, бери...

— Только он запаролен, — посмеивается Арам.

Артур усмехается тоже.

Естественно, никакого пароля они мне не скажут.

Наверное, в этот момент они мнят себя эдакими крутышами, которые победили глупенькую маму.

Вот только...

Я прекрасно знаю пароли этих двоих.

Точнее, пароль.

Потому что мои мальчишки, конечно, умные дети, но ленивые и не слишком дальновидные. Им было не с руки придумывать разное.

И в истории операций я вполне в состоянии покопаться.

Без труда активирую планшет и под обалдевшие взгляды близнецов запускаю видео, над которым они тут ржали.

До того, как они выхватывают гаджет у меня из рук, успеваю увидеть один лишь кадр: как мой муж во время медленного танца шупает за задницу свою секретаршу. Ровно так же, как еще каких-то два часа назад шупал меня.

— Вас это забавляет? Как отец трогает другую женщину?

— стону на выдохе. — Откуда вы вообще это взяли?

— Да это шутка, — машет рукой Артур. — Курьер там снимает всех по приколу. Мам, ты повелась, что ли? Шу-утка...

— Да, мам, ну че ты?

Действительно, а чего это я...

Не слушаю сыновей, несусь в спальню. Переодеваюсь в джинсы со свитером, сбегая вниз, хватаю ключи от машины и еду на корпоратив.

Теперь хоть понятно, почему меня туда не звали...

Глава 2. Большой бум

Ульяна

Я сама не понимаю, как умудрилась добраться без аварий до ресторана, где мой супруг вот уже третий год подряд устраивает корпоративы для сотрудников своей фирмы.

Припарковала машину на парковке позади ресторана, в правом третьем ряду. Теперь сижу с выключенными фарами, стучу зубами от холода.

Потому что куртку-то я сдуру не надела! А на улице зима, вон даже снежные хлопья с неба срываются.

Оно, конечно, можно включить двигатель обратно, заодно печку и обогрев сидений. А у меня ступор.

Я не знаю, что делать.

Большое красивое здание шумит праздником. А у меня в душе все тихо умирает от боли и страха.

Я, конечно, могу сейчас войти в ресторан, отыскать мужа и предъявить ему при всех.

Но как это будет выглядеть? Да и что мне есть ему предъявить? Шипок за задницу секретарши? Такое себе предъявление. А слова близнецов к делу не пришьешь.

Мигран вывернется на меня, а все остальные будут ржать если не вслух, то про себя.

Еще бы, вылезла серая мышь из дома, кое-как одетая, с

ненакрашенным лицом и хвостиком плохо расчесанных волос. Поперлась в ресторан мужу за измену предъявлять...

Еще ничего не произошло, а я уже чувствую себя униженной.

Поэтому никуда не иду.

Просто сижу и пялюсь на его черный лексус, припаркованный в первом ряду, прямо у ресторана. Мне отлично видно машину, потому что она стоит под самым фонарем. Пусть и находится метрах в тридцати от меня.

Через какое-то время задняя дверь в ресторане открывается и оттуда показывается парочка. Женщина в белой шубке, вся такая легкая и смеющаяся. А мужчина — мой муж.

В ту же минуту я забываю о том, что мне холодно.

Во все глаза пялюсь на парочку.

Мою машину, скромно стоящую поодаль, эти двое не замечают.

Мигран подает своей секретарше руку, помогает спуститься с порожков. Потом ведет под локоть к своей машине. Наклоняется к ней, что-то говорит женщина на ухо, они смеются.

А потом он открывает ей переднюю дверь машины. У них там происходит какой-то диалог, а потом эти двое синхронно подаются друг к другу.

Целуются там, что ли?

Ну да, вон головы наклонили, слились в одно.

Меня тошнит.

Да так сильно, что кажется, не выдержу и явлю содержимое желудка прямо здесь и сейчас. В подстаканнике стоит забытая днем бутылка минералки с лимонным вкусом. Открываю, подношу полулитровую пластмассовую тару к онемевшим губам, делаю глоток.

Тошнота отступает.

Но что делать дальше, я не знаю.

Сижу, как полная идиотка пялюсь в пространство.

М-да...

Прямо как в книге.

Ночь, улица, фонарь...

И лексус мужа, в который я хочу врезаться на полном ходу.

Прямо вот взять и впечатать тачку в его пафосное авто, так чтобы всмятку. Чтобы сплющить... Как он сплющил мое сердце, человеческое достоинство, чувства.

Как он вообще так может?

Взял оделся в наглаженный мной костюм, еще перед уходом котлету съел мной приготовленную. Галстук повязать заставил, поцеловать...

И потом к этой!

Как такое может быть? Мы ведь даже спали с ним этой ночью!

Что мне сейчас делать?

В мыслях снова проносится локомотивом неумемное желание протаранить его тачку своей.

Конечно же, на такой кардинальный ход я не решаюсь, потому что это слишком.

Ведь есть и более лайтовый вариант развития событий.

Я попросту могу поднять свою задницу, прошагать до его машины, постучать в окошко, спросить: «Че как? Вкусно целоваться с другой? Давно ли вы жучитесь, товарищи?»

Кажется, так выражаются близнецы.

Но зачем мне к нему подходить? Все ведь и так ясно, да? Что мне даст эта сцена? Только еще больше себя унижу.

Я — дура, которая умудрилась не заметить, что муж завел любовницу. И ничто этого не исправит. Даже дети в курсе его интрижки, а я — нет.

Другой вопрос, что я с этим буду делать?

Мне так больно, что глаза слепит от слез.

Совершенно бездумно завожу машину, выруливаю вправо, жму на газ. Хочу как можно скорее отсюда убраться. Мне невыносимо находиться рядом с этим подонком.

И плевать, если он меня заметит.

Я уеду отсюда, доберусь домой, а там...

Замки сменю?

Соберу ему чемоданы?

Соберу чемоданы себе?

Мой седан с ревом несется вперед.

Неожиданно откуда-то сбоку показывается здоровенный белый пес, с жалобным скулежом летит наперерез. Моргаю, словно силась скинуть морок, но пес не исчезает — по всему

выходит, собыю на скорости!

На решение у меня жалкие мгновения.

Резко выворачиваю руль вправо.

Секунда...

Резкий удар, противный скрежет металла.

И мне в лицо выстреливает подушка безопасности.

Это происходит так неожиданно, что я даже не успеваю сделать глоток воздуха. Здоровенная белая хреновина расплющивает мое лицо в мгновение ока. Это происходит так быстро, что я в первые секунды даже не понимаю, что произошло.

На миг реальность схлопывается.

Разум мутится, и все, что остается, это слепящая боль в носу.

Почему их называют подушками безопасности, раз они так больно бьют в лицо?

Кое-как убираю от себя эту хреновину.

Перед глазами все плывет, а по верхней губе течет какая-то теплая жидкость. Кровь? Я разбила нос в кровь?

Но главное, пожалуй, не это. Главное — в какую машину я врезалась.

Впрочем, если учесть, что из нее выскакивает мой муж, понятно, в чью.

Я протаранила лексус мужа!

Глава 3. После большого бума

Ульяна

С улицы раздается оклик мужа:

— Уля! Ульяна...

Только слышу его ор, как в ушах будто взрываются звуковые гранаты. Перед глазами все крутится, и кажется, я на какое-то время теряю сознание. Потому что, когда очухиваюсь, моя брэнная тушка уже не в машине, а...

Я на руках у Миграна, и он несет меня к не пойми откуда взявшейся скорой помощи.

— Улечка моя, — шепчет мне на ухо. — Как же так, все лицо в крови.

Видок у меня, наверное, жуткий, раз его так пробрало.

— Улечка, ты только держись!

Он говорит это так...

Будто и не было ничего.

Будто он до сих пор меня любит.

Будто и не целовался со своей кикиморой в машине еще недавно.

Я чуть приподнимаю голову и неуверенным движением кручу ею по сторонам, осматриваюсь.

Его секретарши и след простыл. Сбежала, когда запахло жареным? Наверное, если бы я могла, рассмеялась бы в го-

лос.

Меня усаживают в машину скорой помощи, дают понюхать нашатырь, от которого меня чуть не тошнит прямо на пол.

Я отпихиваю влажную ватку от изрядно пострадавшего носа, прошу влажные салфетки. Кое-как привожу себя в порядок, стираю кровь. Вскользь подмечаю, что скорая из частной клиники, уж больно новая машина приехала на вызов, да и оборудование тут на уровне.

Усатый врач в синей униформе спрашивает противным скрипучим голосом, сколько ручек я вижу в его руках.

— Одну, синюю, — отвечаю я.

Он еще некоторое время меня осматривает, приходит к выводу, что сотрясения все же нет, и хочет отпустить.

А я боюсь выходить на улицу.

Там ведь муж! Которого я застукала с любовницей и разбила ему машину.

— Можно я у вас тут еще чуточку посижу? — прошу сдавленным голосом.

— О, конечно, — кивает он и выскакивает из машины, на ходу сообщая: — Сейчас позову вашего супруга.

Можно без этого, блин!

Но поздно.

Мигран уже залезает в кузов, устраивается на сиденье напротив меня. Некоторое время просто смотрит.

У меня на языке вертится тысяча слов, но четко понимаю,

что стоит открыть рот, как попросту разрыдаюсь.

— Улечка, ты как? — наконец спрашивает он. — В порядке? Ты за машины не переживай, всего лишь железки...

А я и не переживала, собственно говоря.

Нет, в обычной жизни я бы, наверное, была в панике из-за сложившейся ситуации. Поскольку Мигран мог слопать меня со всем содержимым не то что за разбитую машину, но даже за царапины, ведь нежно любит свой дорогуший драндулет. Наверное, даже больше, чем меня.

Но сейчас мне до лампочки.

Вот правда, плевать.

Наверное, это отображается на моей физиономии, потому что Мигран тут же хмурится.

— Скажи мне, — просит он на удивление ласково. — Что ты тут вообще делала? Тем более без куртки и... в шлепках.

Смотрю на свои ноги.

Я вправду в джинсах, носках и шлепках. Зимой!

Я иногда надеваю шлепки, когда нужно пройтись до калитки, например за почтой или просто выскочить на несколько секунд из дома. В Краснодаре-то особых морозов нет. Но чтобы в шлепках сесть в машину... Такое со мной впервые.

Да, я была слегка не в адеквате, когда садилась за руль.

Но я не могла по-другому, попросту не могла.

— Ты видела меня, — вдруг говорит Мигран. — Видела, так?

При этом смотрит на меня с таким сожалением, что пробирает до самого нутра.

— Если ты про то, лицезрела ли я момент, когда ты по самые гланды наяривал свою секретаршу, то да, видела! Ты подонок! — с уверенностью ему заявляю.

— Так вот ты почему все это устроила... — говорит Мигран и пристально на меня смотрит.

В его взгляде читается... Восхищение?!

Я не понимаю, чем он может восхищаться в данный момент. Тем, что я расколошматила его тачку? Это достижение?

— Что я устроила? — переспрашиваю сердито. — Чему ты тут сидишь и радуешься?

Мигран старательно прячет эмоции, придает лицу невозмутимое выражение.

— Ульяна, ты поступила очень нехорошо.

— Что?! — У меня аж лицо перекашивает от недоумения. — Это я поступила нехорошо?

— Конечно, ты! Это ведь ты со всей дури врезалась в мою машину. Хорошо, расстояние было небольшое и твой седан не успел набрать достаточную скорость, иначе было бы не избежать беды. О чем ты только думала? Направить машину в меня и соперницу...

Пытаюсь объяснить ему ситуацию:

— Но я не направляла...

— Это, конечно, удивительно, как ты отстаиваешь своего

мужчину после стольких лет... — Он говорит это и горделиво задирает подбородок. — Но все же это не методы, Ульяна. Ты должна уметь держать себя в руках. Постаралась бы по-другому объяснить, что ревнуешь, что все еще любишь меня. В конце концов, ты же могла серьезно пострадать или покалечить людей. За это, вообще-то, в тюрьму сажают, милая! Ты не в курсе разве? Это можно расценивать как попытку убийства на почве ревности...

В этот момент до меня окончательно доходит, какая картина нарисовалась в мозгу у Миграна. Что это я, обьятая ревностью, специально протаранила его машину! Вот это ему сейчас польстило, что ради него ненаглядного способны на такое...

— Ты еще пойди заявление напиши! — фырчу на него.

— Я, уж конечно, заявление писать не буду. — Он словно отмахивается от моей подколки. — Но и ты пообещай, что подобного не повторится. Мы ведь цивилизованные люди. Ты можешь мне все словами сказать, по-человечески признаться в любви, а не вот так машину тараном...

— Мигран, я не пыталась протаранить твою машину! — Я уже почти кричу. — Я ехала домой, и тут вдруг откуда ни возмись этот здоровенный белый пес... Он летел мне наперерез, я даже не видела, куда сворачиваю.

— Да, да, — кивает Мигран. — Так и скажешь в полиции, если вдруг возникнут вопросы. Я подтвержу. Только для схождения показаний расскажи подробнее про собаку.

— Ты мне не веришь! — доходит до меня.

— Довольно. — Мигран жестом просит меня замолчать.

— Не хочешь признавать очевидное, не нужно. Я и без твоих слов все понял. Так уж и быть, разбитые машины я тебе прощаю. В этот раз. Сейчас поедem домой...

— Зато я тебя не прощаю, — перебиваю его с мрачным видом.

— За что? — спрашивает он с искренним изумлением на лице.

Таким искренним, что мне хочется его за это пристукнуть.

— Как это — за что? — пишу я. — За то, что ты спишь с секретаршей!

— Кто тебе сказал такую ерунду? — таращит он на меня глаза. — Не было такого!

— Ты целовал ее в машине, я видела...

— Не было такого! — снова твердит он. — Мы просто одновременно наклонились друг к другу, и все. Так совпало.

— Наклонились и минуту так и сидели со слитыми в одно губехами? У тебя совесть есть так откровенно врать? Я же видела, Мигран! — Сжимаю кулаки.

Очень хочу этими кулаками пройтись по его наглой морде.

— Ты сейчас говоришь ерунду, — качает он головой. — Я просто предложил подвести Розу домой, вот и все. Ты все не так поняла, и из-за удара головой у тебя в мыслях все перемешалось.

— У меня даже нет сотрясения! — стою на своем. — Ничего у меня в мыслях не перемешивалось, я все ясно помню!

— Хватит, — цедит он. — Я достаточно слушал эту ересь.

— И вправду хватит, — тихо вздыхаю. — Даже дети в курсе твоего романа с секретаршей, Мигран! Сидят и спокойно обсуждают ее прелести.

Лицо мужа вдруг резко делается злым.

— Ох и шельмецы, ну я им задам...

— Себе задай! — Я морщу лицо. — Это ты спишь с секретаршей, а не они...

— Довольно, — рычит Мигран, явно теряя терпение. — Дома поговорим.

А потом и вовсе не церемонится, хватает меня чуть ли не в охапку, вытаскивает из машины и уводит к такси.

Что ж, дома так дома.

Визуал

Дорогие, любимые, тут иллюстрации того, как я и Муза Валерьевна видим наших героев:

Ульяна Григорян. Жена

У нее все обязательно получится.

Мигран Григорян. Муж

Он за все ответит.

Роза, секретарь Миграна

У нее своя боль.

Артур и Арам Григоряны. Сыновья

Им придется быстро повзрослеть.

Каролина. Дочка

Она сыграет в этой истории свою роль.

Красивый арт для книги:

Надеюсь, вам понравился визуал, а теперь возвращаемся к истории.

Глава 4. Сама виновата

Ульяна

Всю дорогу домой я сидела тихонько, сжавшись в комочек на заднем сиденье. Было холодно и очень некомфортно с выпачканным кровью свитером и в шлепках...

И вот теперь, стоя под горячим душем, я пытаюсь осознать, как же так случилось, что за каких-то пару часов моя жизнь повернулась на сто восемьдесят градусов?

Мой муж — лгун и изменщик.

А я...

Слепешарая, раз ничего этого не видела? Терпила, потому что сносила его грубое поведение? Дурочка, потому что не замечала очевидных вещей?

Я ведь просто жила. Заботилась о семье, о муже, готовила еду, стирала, убирала, занималась с ним любовью. Просто жила, как миллионы других женщин. И сильно не ожидала того ушата коричневого содержимого, что он опрокинул мне на голову.

На языке крутится тысяча слов, какие хочу ему сказать.

И скажу!

Выкупавшись, выхожу из душа, смотрю на себя в зеркало.

Что ж, могло быть и хуже. Нос слегка припух, но и только. Откуда же было столько кровяки? Лопнул какой-то сосуд?

Мне до сих пор неимоверно больно...

Но боль не в носу, нет, она в душе.

Что мне теперь со всем этим делать? Подавать на развод?
На раздел имущества?

Как представляю, какая после этого начнется буря, так вздрагиваю.

Одно я осознаю для себя предельно четко — не стану терпеть такое к себе отношение. Если Мигран хочет спать с другими, пусть спит на здоровье, но только не со мной в браке.

Я заворачиваюсь в пушистый розовый халат, плотнее застегиваю пояс и наконец выхожу в спальню, с которой соседствует наша ванная на втором этаже.

И вздрагиваю, увидев Миграна на кровати.

Он меня явно ждал.

Сидит теперь, закутанный в такой же пушистый халат, только у него он черного цвета.

— Как ты? — спрашивает он.

— Спасибо, хреново, — подмечаю я, поджав губы.

— Может, все-таки к врачу? Ушиб носа — серьезное дело...

— Дело не в носе, Мигран, а в том, что ты мне изменяешь!

— Я чуть не подпрыгиваю на месте от возмущения.

— Да что ты все заладила, изменяю да изменяю. Не было такого! Ты меня за ручку поймала, что ли? — громко возмущается он.

— Я, по-твоему, совсем дура? — почти кричу.

Мигран встает, смотрит на меня свысока и говорит:

— Если уж на то пошло, ты сама виновата.

— Что?! — У меня глаза на лоб лезут от его признания.

— Да, да, дорогая, — важно вещает он. — В конфликтах в браке всегда виноваты оба...

— В чем же моя вина? — Хлопаю ресницами.

— Как это — в чем? — разводит он руками. — Сексом с мужем надо заниматься хоть иногда!

Не в бровь, а... за триста метров от нее...

Мигран этой фразой даже близко в яблочко не попал.

— Ты нормальный вообще? — Свожу брови у переносицы. — Или, может, у тебя амнезия? Мы занимаемся сексом по три-четыре раза в неделю. И прошлой ночью мы тоже спали! Это называется — заниматься сексом хоть иногда?

Мигран невозмутим.

— Вчера было без огонька, — выносит он вердикт.

Вспоминаю наш вчерашний секс...

Этот мерзавец ворвался ко мне в ванную, пока я мыла голову, хотя я просила его так не делать. Нагло залез ко мне под душ, наклонил как ему надо, и воспользовался.

Я, наивная, подумала, что на этом все, но после всего он вытащил меня из ванной, отнес на кровать и затребовал интимных ласк губами. И я сделала, как он хотел, потому что в принципе никогда ему не отказывала. Он же мужчина, ему же надо.

То есть он сначала со мной, потом с ней, или даже наобо-

рот. А я это в рот.

— Фу-у-у... — непроизвольно тяну.

— Вот именно, ты давно разленилась и никогда не иницируешь секс. Всегда получается, я тебя беру, а для тебя это как обязанность. А мне охота, чтобы ты сама в спальню заходила, трусы снимала и прыгала на меня, ко всему готовая...

И поэтому он завел любовницу.

Чтобы я трусы снимала и прыгала на него...

— Что ж ты со мной тогда живешь двадцать лет, если я не устраиваю тебя в постели? — Сжимаю кулаки.

— Ты меня устраиваешь, — заявляет он с горделивым видом. — Меня не устраивает твое отношение. Но мы это поправим.

С этими словами Мигран скидывает с себя халат, демонстрируя мне свое крепкое, мускулистое тело, одетое лишь в узкие черные плавки. Причем эти плавки ничуть не скрывают того, что у него хозяйство торчком.

То есть я тут корчусь от боли и омерзения из-за его измены, а он завелся. Стоит тут с грязью меня смешивает, рассказывает, какая я плохая любовница, и всерьез намеревается совать в меня свой отросток. После любовницы.

Кастрировать его мало...

— Вон из спальни пошел! — пишу не своим голосом.

— Да щас...

Он демонстративно укладывается посередине кровати, щеголяя передо мной своим почти голым телом. Я его плав-

ки за одежду не считаю.

— Давай сюда, — он хлопает ладонью по правую сторону от себя.

— Даже не подумаю! — стою на своем.

Мигран хмурит брови и строго чеканит:

— Ты сейчас ляжешь ко мне, дашь мне по высшему разряду, кончишь пару раз и успокоишься... На этом мы будем считать инцидент исчерпанным.

Эти его бесстыдные слова «дашь», «кончишь»...

Он вправду думает, я с ним лягу?

Меня аж клинит от понимания того, насколько ему безразлично, что я чувствую.

Кажется, я даже начинаю скалить зубы, когда отвечаю ему:

— Ты сейчас свалишь из этой спальни, а потом соберешь вещи и уйдешь из дома! Вот тогда мы будем считать инцидент исчерпанным.

Как только это говорю, на лице моего мужа появляется то самое выражение... Он оскорблен до мозга костей.

— Раньше рак на горе свистнет, чем я съеду из дома, который построил собственными руками. Немедленно иди в постель, женщина!

— Подонок! — пишу я и позорно сбегая из спальни.

Потому что сил нет смотреть на его самодовольную рожу.

Глава 5. Квиты

Мигран

Следующее утро не радует меня — от слова совсем.

Ульяна не только не пришла ко мне ночью, но даже к завтраку не остыла после вчерашнего спора. Это видно невооруженным взглядом. И, честно сказать, тревожит.

— Ма, че, серьезно? — раздраженно гнусавит Артур, который сидит за столом по правую сторону от меня.

— Ма, ты же знаешь, я ненавижу манную кашу... — Это уже Арам, который сидит по левую сторону.

Я морщусь, смотрю на жену, которая по традиции устроилась напротив. Она восседает на стуле с невозмутимым видом и чинно попивает эту свою дрянь, которая зовется цикорием.

В ус не дует.

Семье отраву на завтрак подала и радуется.

Манная каша с земляничным вареньем.

И все...

Нормально, а?

— Могла бы хоть яичницу пожарить с беконом, несложно же, — подмечаю с хмурым видом.

— Могла бы... — тянет она, и, я готов поклясться, прячет за большой синей кружкой ухмылку.

Забавно ей, что семья вынуждена есть абы что из-за того, что мать встала не с той ноги.

В столовой воцаряется мертвая тишина, не нарушаемая даже звоном приборов.

Просто потому, что никто не притронулся к своим тарелкам с кашей, а себе Ульяна тарелку даже не поставила. Сидит, смакует дальше свой цикорий и делает вид, что все окей.

— Я короче это есть не буду, — морщит нос Артур.

Отодвигает тарелку, тянет руку к стакану с соком, пригубляет и пищит:

— Фу, мам, из пакета, не свежавыжатый... У нас че, апельсины закончились?

— Ага, — невозмутимо отвечает она. — Пошел бы и купил.

— У нас че, доставка больше не работает? — еще больше ярится сынок. — Могла бы заказать, мам, несложно же.

— И это, я там форму кинул, постираешь, чтобы высохло до вечера, лады, мам? — Это уже Арам.

— И костюм мой, и джинсы, — добавляет ей задач Артур. — И кроссовки почисти, те, которые белые, я в каком-то говне испачкал. Все, мы погнали...

С этими словами оглоеды встают из-за стола, как они обычно это делают.

Неожиданно Ульяна заявляет:

— Унесите свои тарелки на кухню, выкиньте кашу в мусорку и поставьте посуду в раковину.

Важно так заявляет, будто вправду рассчитывает на исполнение своей просьбы.

— Мы че, слуги тут, что ли? Мы в школу опаздываем, — фырчат близнецы и удирают из столовой.

Даже не оглядываются.

Когда дети уходят, мне становится не по себе от арктического холода, который начинает заполнять комнату.

Все из-за Ульяны.

Как только дети ушли, она будто замораживает взглядом все, чего касается. И меня в том числе, мураши аж пробігают до нутра. Дико становится. Не такой я привык видеть жену по утрам.

— Слушай, я не виноват в том, что ты их разбаловала и они ведут себя как свиньи, — подмечаю с прищуром. — Я пошел, отвезу их в школу.

— Сами доберутся, — отрезает Ульяна. — Нам надо серьезно поговорить.

Черт, надо было уходить раньше, ведь понимал же, что она не успокоится.

Вчера так и не удалось перевести все на тему секса.

А сегодня и того хуже...

Впрочем, разве я не мужчина в доме? Разве это дело, позволять женщине раскрывать рот, когда не надо.

Лучшая защита — нападение. С Ульяной всегда срабатывает.

Строго на нее смотрю, цежу сквозь зубы:

— Если ты по поводу вчерашнего корпоратива, то не смей даже заикаться. Мало тебе, что в спальню так и не вернулась? Я, вообще-то, тебя ждал... Это было так обязательно — оставаться ночевать в гостевой?

Ульяна морщит лицо, спрашивает исподлобья:

— Неужели ты вправду думал, что я стану с тобой спать после вчерашнего? Мне мерзко даже представить...

Мерзко ей.

Меня аж пробирает до позвоночника от этих ее слов. За все годы брака я впервые слышу от нее подобное. Эдак она сейчас еще, не дай бог, ляпнет что-нибудь про развод.

— Цыц, женщина! — строгим голосом произношу я и чувствую, как в душу заползает страх.

Не желаю никакого развода.

Я его прямо-таки до аллергической чесухи не хочу.

— Ты обалдел? — Ульяна таращит на меня свои красивые голубые глазищи.

Ох уж мне дороги эти ее словечки. Стопроцентно нахваталась у своей задрипанной подруги Светки.

— Ульяна, — цежу строго. — После вчерашнего ты мне должна в пол кланяться, что не прибил на ровном месте, а ты еще огрызаешься и бойкоты мне тут с манной кашей устраиваешь! Совсем берега попутала?

— Чего? — Она смотрит на меня шокированным взглядом.

Да-да, могу, когда надо, шокировать вторую половину.

Знаю, умею, практикую.

— Ты вчера разбила две машины. Две! — Я показываю ей два пальца.

— Ты же сказал, что ничего страшного, что это просто железо. — Ульяна резко сбавляет тон.

— И что? От этого твоя выходка обойдется мне дешевле? Или лексус перестанет быть битым? Или твоя машина магическим образом сама починится? Покрасится? Подушки безопасности перестанут быть стреляными? Ты понимаешь, что вчера натворила...

При упоминании о ее прегрешениях она резко замолкает, опускает взгляд.

— То-то же. — Строго на нее смотрю.

— Я не хотела, — начинает она оправдываться. — Там правда вылетела собака, и я неверно оценила ситуацию и...

Ни на грош ей не верю.

— Довольно. — Хмуро на нее смотрю. — Я усадил в машину секретаршу, ты мне эту машину разбила. Все, квиты. Мне пора...

С этими словами разворачиваюсь и ухожу.

Близнецы ждут на улице, переминаются с ноги на ногу, смотрят на помятое левое крыло моего железного коня. Повреждения вышли некритичные, но все же заметные.

— Пап, это что такое? — интересуется Арам.

Не собираюсь им ничего объяснять. Ни им, ни кому бы то ни было. Просто отгоню до обеда машину в сервис, и на

этом все.

— Сели быстро, — командую им.

Они кивают, как два болванчика, садятся на заднее сиденье.

Сегодня даже не спорят, кто будет сидеть спереди.

Выруливаю на улицу, строго зыркаю на сладкую парочку «Твикс» и гаркаю:

— Какая часть слова секрет вам была непонятна? Какого хрена вы рассказали матери про Розу?

Я уже триста раз пожалел, что проболтался им недавно. Если бы не увидели, как я ее зажимал на парковке, естественно, ни слова бы им не сказал. А так пришлось признаться, все им объяснить, чтобы не надумали себе чего лишнего.

Считал, у парней есть такое понятие, как мужская солидарность. Но нет.

— Мы не хотели, — стали наперебой доказывать они. — Мама чисто пума, подкралась бесшумно и хватъ планшет...

— Что в планшете? — Хмурю левую бровь.

Арам достает телефон, пересылает мне какой-то видеоролик.

Открываю свой телефон, просматриваю и очень скоро узнаю на видео себя, лапающего Розу за задницу. И было-то всего раз за весь танец. Ну, может, два.

— Откуда это у вас?!

— Курьер из вашей фирмы вел видеотрансляцию, — вдруг заявляет Арам.

— Ясно... — цежу строго.

М-да, это ж надо быть таким дебилом. Этот курьер в моей фирме отныне больше не работает...

И что обиднее всего, придется увольнять секретаршу.

Мигран

Отгоняю машину в сервис, делаю необходимые распоряжения по поводу машины жены, которая так и осталась на стоянке у ресторана.

Вызываю такси и еду в офис.

Параллельно проверяю телефон.

Не знаю, чего жду.

Что Ульяна напишет мне какое-то сообщение из своего списка: «Что приготовить на ужин?», «Заберешь близнецов с тренировки?», «Тебе какой костюм нужен будет на завтра?» Или вот любимое: «Я купила новое нижнее белье...»

Пожалуй, сейчас сгодились бы что угодно. Она, конечно, вряд ли сегодня побежит по магазинам, чтобы прихорошиться и порадовать меня ночью. Но я согласен на любое сообщение. Хотя что-то, чтобы понять, что она закончила свой бойкот. Она же должна его когда-нибудь закончить, так?

Честно сказать, после вчерашнего приключения до сих пор в груди екает. Как мальчишка попался, ей-богу. Дорого

бы отдал, лишь бы Ульяна закрыла глаза на произошедшее.

Как представляю, что она там сидит дома одна и надумывает себе всякое, аж колбасит всего.

С другой стороны...

Что такого ужасного я сделал конкретно вчера? В чем она меня обвиняет? Что секретаршу за жопу схватил? Обалдеть какое преступление...

Аргументов у нее никаких, доказательств тоже. Одни догадки из-за моих сыновей-идиотов. Но их слова — мальчишеский треп, и ничего более. А треп, как известно, к делу не пришьешь.

По всему получается, что жена устраивает сейчас бурю в стакане.

Эх, если мне это ясно и понятно, почему ей — нет?

Умная жена и не спросит у мужа про другую, не то что не предъявит.

Между прочим... Еще недавно ей и спрашивать было не о чем. А тут бес попутал, не иначе.

Всему виной долгая командировка, куда я ездил пару недель назад. И новая секретарша, которую я недавно взял в штат, и тогда впервые...

Додумать мысль не успеваю, такси притормаживает у офисного здания в центре делового квартала.

Фасад из стекла и стали отражает небо, такое же хмурое, как и мое настроение. На голову сыплется не то снег, не то какая-то ледяная крупа. Мерзость...

Прохожу внутрь, стряхиваю с плеч эту крупу, едва замечаю кивок охранника.

Прохожу по отделанному мраморной плиткой фойе к лифту. Новый, практически бесшумный, он везет меня наверх.

Весь третий этаж здания мой — занят моей торговой фирмой. Здесь я чувствую себя как дома. Все родное, знакомое, каждый член персонала спешит угодить.

Отвечаю на приветствия служащих легким кивком и прохожу по широкому коридору напрямик к себе.

В приемной меня встречает белозубой улыбкой Роза. В ее карих глазах плещется обожание.

Еще вчера я бы очень обрадовался, увидев на ней соблазнительную черную блузку, расстегнутую на пару пуговиц. Юбка опять же облегает бедра, не слишком длинна, дает полюбоваться стройными ногами, манит небольшим разрезом спереди.

Однако сегодня любоваться Розой мне уже не хочется.

Знал бы, что так получится, сказал бы ей на корпоратив вообще не ходить.

Прохожу в свой кабинет, снимаю полупальто и вешаю в шкаф, усаживаюсь за стол.

Откидываюсь на спинку кресла и жду.

Роза мгновенно появляется в дверном проеме.

Наблюдаю, сощулив глаза, как она преодолевает расстояние от двери до моего стола. Цокает каблуками по паркету,

потом осторожно ступает по бежевому ковру.

Она идет ко мне с планшетом, готовая записывать все-все, что ни прикажу.

Однако я ничего не приказываю.

Жду, пока она подойдет к столу.

Смотрю на нее строгим взглядом и говорю:

— Ты в курсе, что из-за тебя у меня вышла ссора с женой?

Роза широко распахивает свои глазищи с наращенными ресницами.

Картинно ужасается:

— Мне очень жаль, я бы хотела как-то загладить... Сделаю, что скажете...

Но я-то вижу — ей радостно оттого, что я поругался с Ульяной.

Роза подходит к столу, неожиданно заворачивает за край, обходит его, становится совсем рядом с моим креслом. Опирается попкой на столешницу. Откладывает планшет, а потом берет и чуть раздвигает ноги, тем самым делая более явным разрез на юбке спереди.

— Сделаешь все, что я скажу? — самодовольно хмыкаю.

— Абсолютно все, — кивает она. — Если вы захотите, с удовольствием выполню обязанности вашей жены. Любые...

Ну еще бы.

Я чувю, что она с удовольствием выскочила бы за меня замуж. Мне ведь не восемнадцать лет, и она не первая, кто пытается женить меня на себе. Вот только я уже женат.

— Блузку расстегни, — приказываю ей.

Роза снова широко распахивает ресницы, косится на дверь, будто боится, что кто-то войдет. Хотя я четко слышал, как она щелкнула замком, заходя.

— Не ломайся, никто не увидит, — говорю ей.

Она кивает с таким видом, будто сама бы ни-ни, но, раз я прошу, она на все согласна.

Пуговицу за пуговицей расстегивает блузку.

Под черной тканью на ней лишь лифчик из прозрачного кружева. Некоторое время люблюсь на ее стоящую торчком молодую грудь. Тяну руку, ныряю под левую чашечку бюстгальтера, сминаю мягкое полушарие.

— Ах... — тянет она.

Будто уже завелась от одного моего прикосновения. Оно было, кстати, ни разу не нежное.

Убираю руку, смотрю ей в глаза.

А Роза тянется к юбке, чуть ее задирает.

Как бы приглашает, чтобы потрогал и там.

Во баба дает!

Вот это я понимаю тяга к начальству.

К слову, я ведь ее туда еще ни разу... Только в рот.

Я, можно сказать, вообще невинный агнец, ведь, кроме Ульяны, никого в пилотку не жучил, как говорят близнецы. Целых двадцать лет! А то, что было до Ульяны, можно вообще не считать. Потому что не было почти ничего, ведь я был тогда юнец. Мы с женой вместе осваивали основы большого

секса.

К слову сказать, в юности я никому, кроме Ульянки, не был нужен. Это уж потом по мере развития бизнеса и моего взросления вокруг начали виться бабы.

Но я кремень, ни одну в койку так и не уложил.

А то, что в рот, не считается. Все, что выше гениталий, — не в счет, это любой дурак скажет.

Короче, если сравнить меня с друзьями, мне памятник надо заказывать, как самому примерному семьянину.

Излишне верный, да.

А все-таки зачетная у Розы грудь. У Ульяны была не хуже вплоть до рождения близнецов, точнее до того момента, пока она не бросила кормить оглоедов.

Но стоит ли одна стоячая девичья грудь скандалов с женой? Совсем нет.

Проще Ульянку отправить на операцию.

Прелести Розы мне уже стоили слишком дорого. Один только ремонт машин обойдется в кругленькую сумму.

А все же до сих пор приятно от того, как Ульяна вчера отреагировала, увидев меня с Розой в машине.

Честно сказать, давно я не чувствовал себя настолько любимым ею.

Оно, конечно, лучше бы было, докажи она свои чувства в койке...

Тогда и надобность в Розе отпала бы сама собой.

Но уж как есть.

Роза тем временем с раболепным взглядом становится передо мной на колени, откидывает шоколадные пряди волос. Видно — готова к труду и обороне...

Прямо как тогда, в отеле.

Когда я, чуть пьяный и довольный заключенным контрактом, все-таки дал слабину.

Однако мне вовремя приходит на ум, что как-то это будет не по-людски увольнять девочку, которую только что выдолбил до гланд.

С сожалением отъезжаю на офисном кресле от красавицы на коленях.

Говорю четко поставленным голосом:

— Я люблю жену, поэтому ты уволена.

Надо видеть, как вытягивается лицо Розы в момент, когда я говорю ей об увольнении.

Она выглядит шокированной.

Даже не так — раздавленной одним лишь словом.

— Как это? — Она смотрит на меня, как на предателя.

Будто я обещал как минимум жениться и купить ей мазерати, а вместо этого отчаливаю без всяких оправданий. По-моему, девочка заигралась.

Поясняю ей:

— Мы с тобой развлекались, пока это не портило мне жизнь. Теперь это портит, и, уж конечно, я не допущу, чтобы наша интрижка нанесла урон моей семье. Поэтому тебе придется уйти, надеюсь на понимание.

Роза хлопает длиннющими ресницами и чуть не плачет. Это очень выглядит по-театральному, учитывая, что она до сих пор стоит перед моим рабочим креслом на коленях.

— Но как же так? — причитает она. — Я же так старалась, я же...

— Ты старалась, да, — хмыкаю с довольной гримасой и откидываюсь на спинку кресла. — И за свои старания ты получила большую премию. Я не поскупился...

— Вы думаете, я ради премии?! — пищит она. — Я из любви!

— Да прям уж, — хлопаю себя по коленке. — А ты всех своих боссов любила, у кого в рот брала, или это только мне так повезло? Я у своей жены единственный мужчина. Чистой ее замуж брал, девственница была во всех местах. А на тебе пробы ставить негде.

Роза впечатывает в меня возмущенный взгляд:

— Если вы думаете, что у меня был интим хоть с одним из прошлых работодателей, то вы заблуждаетесь. Проведите расследование! Ну! Убедитесь... Да, я не девочка, но почище многих...

— Что за бред, — отмахиваюсь от нее. — Еще я о бывшей любовнице информацию не собирал. Зачем оно мне надо. Мы хорошо развлеклись, но пора и честь знать, Роза. Ты играй, да не заигрывайся.

— Я не хуже вашей жены! — стоит она на своем.

— Вас даже сравнить нельзя, — раздраженно цежу. —

Ульяна — чистый цветок, который принадлежит только мне.
А ты...

— Никакая не чистая! — доказывает Роза, тыча в потолок указательным пальцем. — И вы — не единственный! Она каждый понедельник, среду и пятницу катается в гостиницу вам изменять. Глаза разуйте, Мигран Аветович, у вас рога похлеще, чем у северного оленя!

Я до хруста в суставах сжимаю ручку кресла правой рукой.

— Ты что несешь? Что за ересь?

— Вовсе не ересь! — обличительным тоном продолжает она. — Вы проверьте траекторию движения ее машины, она же туда на своей тачке катается. Вы что, вправду за ней совсем не следите? Так сильно доверяете? А вот зря...

Прокручиваю в голове последнюю информацию. Когда я в последний раз интересовался передвижениями супруги? Да никогда...

Точнее, в начале было, пока она оставалась свежая, как утренняя роса. До рождения нашей дочки, и даже с ней, когда ходила по улице, многие сворачивали головы в ее сторону.

Я ругал ее, чтобы одевалась скромнее, злился, бдел за ней, как орел.

Но после того как Ульяна родила близнецов, она малость прекратила за собой следить. Потеряла былой лоск. Все бегала за ними, нянькалась. Когда выросли, ситуация не особенно изменилась. Вечно ей некогда, чем-то занята. На меня

опять-таки ноль внимания. Разве что уделит час-другой на то, чтобы я ее загнул как мне надо. И то не каждый день! И даже не через день!

Но чтобы следить за ней...

И хотел бы сказать, что на жену теперь вряд ли кто позарится, ведь ей недавно стукнуло тридцать восемь. Только если она приоденется и намарафетится, еще как зарятся. Прямое тому доказательство — когда ходим в гости, на нее часто пялятся. Откровенно так, ведь до сих пор стройная, сочная, в общем самый смак.

Может ли Ульяна даже чисто теоретически мне изменить?

Одна мысль о подобном бодрит так, что хочется начать убивать людей.

— Если ты мне сейчас наврала, расплатишься собственной шкурой, — шиплю на Розу.

Поднимаюсь с кресла, наклоняюсь к ней, собираю в кулак ее пышные локоны и резко дергаю вверх, заставляя подниматься.

— Больно! Больно! — пищит она.

Не обращаю внимания на визг, за волосы вывожу Розу из кабинета.

Глава 6. Сумеречная зона

Мигран

Я не верю в это.

Чтоб Ульяна и мне изменять? Ха-ха три раза.

Это же *Ульяна*!

Да, по молодости я ее ревновал, и очень. Но то было не всерьез. Просто, чтобы порох поджечь, чтобы был повод ей за что-то предъявить, потребовать объяснений. Чтобы эмоций хапнуть полной ложкой.

Так-то моя Ульяна — истинный уж. Из любой ситуации вывернется, выкрутится, все камни обойдет, извернется. С ней и захочешь поругаться, не поругаешься, потому что она все хвосты подчистила, все оправдания придумала, и вообще у нее котлеты в холодильнике вкусные, иди, Мигран, поешь.

Но вот когда ей на ровном месте предъявляешь, она глазами хлоп, а сказать-то нечего. И ведь не смотрела ни на кого, я-то знал, следил, но доказать она это никак не может, разве что словами, которые к делу не пришьешь.

Я со вкусом на нее рычал, рассказывал, что ей можно делать, что нельзя, строжил. После занимался с ней жарким сексом, доказывал, что я — лучший любовник из всех, какие у нее в теории могли быть.

Эта игра мне никогда не надоедала.

Я ее обожал.

Ради этой игры нередко в люди ее выводил, дарил платья, драгоценности.

Но однажды Ульяна попросту отказалась идти со мной в кино.

— Зачем? Потом ты опять скажешь, что я на кого-то смотрела или кто-то смотрел на меня...

Я попытался ей объяснить, что ревность — это как топливо для любви, оно заставляет чувства бурлить, подпитывает их. На что Лиана лишь состроила недовольное лицо и объяснила, что с каждой сценой ревности она любит меня все меньше.

Обидно было до зубного скрежета.

Как это — она и любит меня меньше...

Не каждый мужчина такое поймет и простит.

Я простил, постарался больше к ней не придираться по поводу других мужиков. Тем более что реального повода она так ни разу и не дала.

Попросту не мог допустить, чтобы жена любила меня меньше. Мне нужна была вся ее любовь.

Детство, понимаю...

Как вспомню себя в двадцать с копейками, так на ржач пробивает.

Я давно уже вырос из этого всего. Превратился во взрослого, солидного мужчину.

Сейчас понимаю, как глупо себя вел тогда, как недально-

видно.

И вот Ульяна через двадцать лет брака разбивает машину, ревнуя меня. Двойные стандарты налицо. Но как же мне было приятно почувствовать ее ревность. Я будто в молодость вернулся, а как завелся после этого ее действия, не передать словами. А мадам даже в койку со мной не легла. Что за женщина?

Но чтоб Ульяна мне всерьез изменяла...

Нет.

Железобетонно нет.

Все внутри меня противится одной только мысли.

Я упираюсь плечом в дверной косяк, с хищным видом наблюдаю, как Роза хватается за сумку, с растерянным видом замирает у рабочего стола.

— Собирай вещи, и чтобы тебя в фирме больше не видели, — строго ей выговариваю. — Еще она будет моих родных помоями поливать. Ты вообще в курсе, что можно ляпать, а что никогда не стоит?

— Это правда! — стонет Роза и размазывает по щекам тушь. — Моя подруга ее видела... Она администратор в той гостинице «Сапфир». Я вам не говорила, потому что не хотела делать больно!

— Вон пошла! — Я вконец выхожу из себя. — И за свой поклев ты автоматом лишаешься выходного пособия.

— Вы проверьте! — пищит она.

— Я проверю. — Скрежещу зубами.

Возвращаюсь в свой кабинет, отправляю сообщение в кадровый отдел, чтобы мне срочно прислали на замену секретаря.

И хотел бы выкинуть из головы досужие домыслы этой дуры, но...

Рука сама лезет за телефоном.

Захожу в программу и вправду проверяю траекторию движения машины Ульяны. И охреневаю от результата.

Листаю дни, недели, месяцы...

Везде одна и та же картина. В итоге оказывается, что моя жена целый год ездит по понедельникам, средам и пятницам к гостинице «Сапфир», проводит там минимум несколько часов. Я проверил по карте, что именно находится в точке, где она паркует машину.

Как идиот пялюсь на экран и ничего не соображаю.

Сумеречная зона какая-то. И в этой сумеречной зоне моя жена ездит в какую-то гостишку заниматься непотребствами.

Как это может быть? Какая-то параллельная реальность, ей-богу.

Сегодня пятница, к слову...

Вскользь отмечаю, что она наверняка и сегодня бы туда поехала, вот только я вчера отправил ее машину на эвакуаторе в ремонт.

Проверяю по камерам, что располагаются на крыльце нашего дома, выходила ли куда-то Ульяна.

Она дома.

С шумом выдыхаю.

По крайней мере, сегодня она дома.

Конечно, можно поступить по-взрослому, нанять какого-нибудь детектива, проверить информацию вдоль и поперек. Запросить детальный отчет всех передвижений Ульяны.

Но...

Еще я за женой не следил!

Еще я всяким там уродам не платил, чтобы ее выслеживали, как дичь.

Еще я не распространялся при ком-то там о том, что происходит в моей семье!

Не звоню никому.

Молча поднимаюсь с кресла, беру телефон, пальто, выхожу из кабинета.

Мимоходом подмечаю, что новый секретарь уже на месте.

— Здравствуйте, меня зовут Виолетта, — лепечет ангелоподобная блондинка в строгом сером костюме. — Я на замену...

— Меня не будет пару часов, — говорю ей. — Предупредите замдиректора.

На этом ухожу.

Спускаюсь и только тогда вспоминаю, что машина в сервисе.

Скрежещу зубами от досады и вызываю такси.

Вроде бы час пик уже прошел, а все равно город запружен

машинами так, что мы передвигаемся со скоростью улитки. И это тогда, когда у меня внутри все подгорает от нетерпения и напряжения.

Как обычно в Краснодаре, любая аномалия с погодой вызывает апокалипсис на дороге. Подумаешь, снег пошел. Подумаешь, на улице минус. Разве это должно моментально парализовать движение?

Злюсь.

Злюсь и злюсь...

Наконец водитель привозит меня к назначенному месту. Ставлю ему в приложении двойку за нерасторопность.

Плотно сцепляю зубы и выбираюсь на улицу.

Стою в коротком и, в общем-то, не слишком теплом полупальто перед гостиницей «Сапфир» и решительно не могу понять, что моя жена тут могла делать.

Даже не замечаю снега, который падает на непокрытую голову и плечи.

Вот до чего жизнь довела.

Высокое семиэтажное здание выглядит солидно. Облицовочные панели из серого мрамора придают строению солидности и лоска. Высокие арочные окна обрамлены изящными решетками.

Одним словом, дорого-богато.

Все равно не понимаю, что Ульяне тут делать? Ну вот что?!

Оно бы, конечно, можно взять да и позвонить ей, предъ-

явить маршрут, который я скопировал с трекера движения ее машины. Она, скорее всего, об этом трекере не имеет ни малейшего понятия. Иначе разве спалилась бы, так?

Но что если правду не скажет?

Еще вчера я бы даже не подумал о таком варианте, зато сегодня ни в чем не уверен.

Захожу внутрь, стряхиваю с головы снег.

Отель большой, красивый, но не слишком людный. По крайней мере, в это время суток.

Подхожу к скучающему администратору, достаю пятитысячную купюру и прошу:

— Позови какого-нибудь охранника поговорчивее.

— А зачем он вам нужен?

— Пошущукаться. Хочу знать, была ли здесь эта женщина?

Показываю мальцу фото Ульяны и... Ловлю узнавание. Этот тип ее явно знает.

Я пристально смотрю администратору в лицо.

— Ты ее видел, — не спрашиваю, утверждаю. — Она здесь частый гость? Говори правду!

Не знаю, что в моей личности так настораживает служащего. Вроде бы я — солидный посетитель. Однако желторотый юнец за стойкой резко теряет настрой со мной общаться. Даже после того, как слямзил своей загребущей рукой деньги.

Может, выгляжу слишком грозно?

Стараюсь стереть с лица злобное выражение, придать хоть какое-то подобие приветливости.

В это время к ресепшен спешит какой-то неудачник в сером костюме. Звук его шагов разлетается по всему вестибюлю. Спешит!

Он совсем не обращает на меня внимания, будто я невидимка. Спрашивает у администратора:

— Саш, привет, Ульяночка не подъезжала?

Ульяночка — одно это слово действует на меня, как сигнал тревоги.

Еще и как произнес — с придыханием.

Как только слышу имя жены, присматриваюсь к мужику внимательнее.

Черные волосы с проседью, морда лощеная, широкоплечий, и такое ощущение, что всем миром недовольный. Наверное, потому что Ульяночка все-таки не подъезжала.

— Нет, Ренат Алексеевич, — машет головой администратор.

— Странно, уже должна бы быть... — хмурит он широкие брови. — И трубку не берет. Случайно на ресепшен не звонила, не говорила, что задержится?

Администратор снова качает головой, при этом с опаской на меня косится.

— Не звонила.

В моей голове возникает миллион вопросов, которые хочется задать.

— А ну-ка я ее снова наберу, — бухтит мужик и достает мобильник.

Так запросто.

Возьму и наберу чужую жену...

Если это та Ульяна. Может, не та? Господи, пусть будет не та!

Тогда какого лешего администратор продолжает так на меня коситься? Повод какой?

Поначалу даже не понимаю, что делаю, тело движется будто само собой. Мозг словно вообще не участвует, просто фиксирует происходящее, как на киноплентку.

Бросаюсь вперед, подлетаю к мужчине сзади и наглым образом выдираю телефон из его рук. Он ниже меня ростом, хоть и ненамного, поэтому мне этот финт удастся просто.

— Вы что себе позволяете? — орет он как потерпевший. Игнорирую.

Проверяю номер, который светится на экране.

Мир на миг замирает, время прекращает свой бег. А мое сердце... Оно попросту в отключке.

Ну да, так и есть.

Номер красивый, зеркальный: пятьсот пять, пять и снова пятьсот пять. Когда-то я сам покупал Ульяне этот номер. Небольшой презент для любимой жены... Ведь для нее ничего не жалко.

А теперь ей называют всякие Ренаты.

Хмырь еще и смеет злиться, что она не берет трубок, за-

держивается. Это ж надо какая наглость.

У меня внутри все закипает за доли секунды.

Сколько там градусов на солнце? Шесть тысяч? Вот меня, кажется, подпалили изнутри именно такой температурой.

— Верните телефон! — рычит на меня мужик. — Вы, собственно, кто такой?

Не понимает, что его сейчас ждет.

— Твой худший кошмар, — цежу сквозь зубы.

А потом беру его мобильник, размахиваюсь и со всей дури впечатываю ему же в морду.

Шмя-я-як...

Четко в нос попал.

Мужик после моего удара отлетает назад, чуть не валится на задницу.

— Иди сюда, урод! — Я уже себя не контролирую.

С молодости не дрался, а тут понесло...

Глава 7. Осколки

Ульяна

Как только муж и дети уходят из дома, я запираюсь. Как есть бросаю все в столовой и иду в спальню.

Ночью я дико не выспалась в гостевой спальне, потому что привыкла к своей родной кровати с ортопедическим матрасом и подушечкой. Да и мысли в голове роились в таком количестве, что и хотела бы, не уснула.

Однако организм требует свое.

Подхожу к супружескому ложу, укладываюсь под одеяло и чувствую запах Миграна. Аромат его туалетной воды, кожи.

На глаза наворачиваются слезы, и я тут же вскакиваю с кровати.

Еще вчера я бы насладилась родным запахом, еще бы подушку его обняла и представила, что это он, и было бы мне супер. А теперь что? Теперь у меня от сердца в груди одни осколки, и здоровенная трещина у основания фундамента нашего брака. Все потому, что мужу захотелось секретутку...

Фырчу, вспоминая, как он вел ее за локоть к своей машине, как обжимался с ней там.

Все это так мерзко, что просто жуть!

Не хочу чувствовать его запах, не хочу о нем думать. Хо-

чу просто выспаться! Может быть, тогда ситуация для меня прояснится?

Стягиваю с кровати постельное белье. Швыряю его на пол, достаю новый комплект, меняю. Лишь после этого укладываюсь на кровать, пытаюсь заснуть.

Но куда там?

В голове снова рой мыслей одна другой ужаснее, и сна ни в одном глазу. Зато в теле слабость, к тому же накатывает полнейшая апатия.

Не хочется ни прибираться, ни еду готовить, ни вообще ничего.

Не знаю, сколько времени так лежу, крутя в голове одни и те же мысли.

Через некоторое время начинаю чувствовать все нарастающую тошноту. И не от измены мужа. Тошноту вполне реальную, изматывающую. Потому что очередной ребенок Миграна, который зародился в моем теле, снова забирает силы и хорошее самочувствие.

Я — вареная сосиска, которую дико тошнит.

И радоваться новому малышу почему-то не получается.

Потому что сейчас, пожалуй, худшее время для меня, чтобы забеременеть. Если не брать в расчет, что мне тридцать восемь и силы уже не те, у меня брак под угрозой!

Причем если еще вчера я бы подумала о разводе, то теперь как о нем думать, когда я беременна? Как можно разводиться в такой ситуации? И как можно сохранить брак?

Мигран не облегчает ситуацию, к слову. Вообще решил уйти в глухую несознанку и все отрицать. Как будто, если муж назовется верным, он им станет в самом деле. Но это ведь не так.

Я не знаю, было бы мне легче, если бы Мигран сознался... Взял и сознался, что так, мол, и так, сплю с секретаршей. Чтобы мы как-то поговорили и решили, что делать дальше.

А так получается, он все отрицает, а я, кажется, спать с ним после всего больше не смогу!

И как сказать Миграну о новом ребенке? Нужно ли?

Конечно же, раньше я бы сказала ему не задумываясь, ведь он много раз просил меня о четвертом. Но теперь ведь все по-другому. Обрадуется ли? Нужен ли он ему вообще? Учитывая, что у него теперь есть молодая бойкая Розочка.

Кажется, моя голова сейчас взорвется...

Меж тем тошнота усиливается.

Встаю с кровати, закутываюсь в любимый розовый халат, надеваю тапочки с зайчиками, которые мне подарила дочка на Новый год. И топаю вниз, на кухню. Открываю холодильник, вскользь подмечаю, что со вчерашнего дня мои мужчины-троглодиты успели подъесть все запасы. Нужно срочно готовить, если не хочу встречать их вечером с пустым столом.

Не хочу им ничего готовить... не заслужили! Не хочу, не хочу...

Открываю нижний ящик, где хранятся фрукты. И тут сюрприз, остался один виноград. Надо хотя бы продукты заказать. И пиццу.

Потом, вечером.

Достаю пакет с виноградом, вытаскиваю зеленую гроздь и кладу в дуршлаг. Тщательно мою, перекладываю в блюдо и собираюсь сделать то, что Мигран терпеть не может, — поесть виноград прямо в постели.

Если вредить мужу, то вредить по полной программе.

Уже выходя из кухни, бросаю взгляд в окно, где снег валит хлопьями. Неожиданно вижу такси, которое останавливается возле дома.

Хмурю брови и подхожу к окну.

Из такси выходит муж. Интересно, что он тут забыл посередине рабочего дня? Еще и несется к дому аж бегом, будто за ним кто-то гонится.

Слышу громкое хлопанье двери и шаги.

Очень скоро супруг появляется в моем поле зрения.

Выглядит при этом очень странно. Волосы всклокочены, взгляд бешеный и, кажется, у него подбита левая скула. Да, так и есть — основательно подбита, уже наливаются синяк.

А еще он, наверное, впервые зашел в дом, не снимая уличной обуви.

За ним тянутся мокрые снежные следы.

— Мигран, что с тобой случилось? — Удивленно смотрю на него.

— Я подаю на развод, — ошарашивает он меня.

Услышав слово «развод», я роняю блюдо с виноградом прямо на пол. Оно бьется об кафельный пол кухни, усыпая все вокруг осколками и зелеными ягодами.

Впрочем, я этого даже не замечаю, смотрю на Миграна во все глаза.

В нашей истории было бы понятно, если бы развода требовала я, но чтобы он...

— Ты серьезно сейчас? — стону на выдохе.

— Серьезней некуда, — цедит он с плохо скрываемым пренебрежением. — А ты катись отсюда.

То, с каким апломбом он это говорит, напрочь выбивает меня из колеи.

Стою, хлопаю ресницами, задаю идиотский вопрос:

— Куда?

— Не моя проблема! — разоряется он.

А потом натурально на меня орет:

— Двадцать лет о тебе заботился, все, баста, хватит, вот где ты у меня уже сидишь...

Муж постукивает себе по шее ребром ладони.

— Доставай чемодан, — продолжает он, — складывай туда свои лифчики-трусы и катись. Но больше ничего трогать не смей. Чтоб ни одной чужой вещи из дома не уперла, поняла меня?

Еще минуту назад это был наш дом. И все вещи, что окружают нас, были выбраны мной. Вплоть до носков и трусов

моего мужа, к слову. Я их ему покупаю уже много лет, вот настолько мы близки. Были до этой минуты.

А теперь вдруг я не должна упереть ничего чужого?

Подобное не вмещается в моей голове. Не могу поверить собственным ушам. Да и как можно поверить? Когда ты с человеком прожила дольше, чем жила на этом свете без него...

Но сильнее всего ранит меня не мелочность мужа, а причина, по которой он все это делает.

— А ты сюда Розочку приведешь? — Меня коробит, когда произношу имя его любовницы. — Мне на замену.

— Обязательно приведу, — кивает он с довольным видом. — И она мне еще нового ребенка родит...

Этими словами он будто бьет меня ножом между ребер. Так больно, что вздохнуть не могу.

— А старых ты куда денешь? — хриплю с надрывом.

— А что старые? — пожимает он плечами. — Сыновья меня поддержат. А дочь уже взрослая, замужем. Ей-то какая разница?

Действительно, какая дочери разница, что папа выкинул из дома маму. И сыновьям тоже...

— Смирись и уйди тихо, — продолжает плевать ядом муж. — Ты в моей семье — лишний элемент.

Наверное, в этот момент мне надо гордо вскинуть подбородок, развернуться и уйти, при этом раздавив как можно больше виноградин тапочками.

Но я в таком шоке, что даже двинуться с места не могу.

Стою, смотрю на него и все еще не верю, что он меня выгоняет.

Неожиданно Мигран тянет ко мне руку.

Пребольно хватает за затылок, как будто я нашкодивший котенок и муж хочет натывать меня носом в угол. Таким вот унижительным образом он тащит меня к лестнице, а потом на второй этаж.

— Пусти! — плачу я, ведь у него пальцы все равно что щипцы.

Но Мигран меня вообще не слушает, все продолжает разоряться:

— Ишь ты, дрянь какая дома завелась! Сейчас чемоданы соберешь и вон пойдешь!

Он словно с ума сошел.

Как есть затаскивает меня в спальню.

Надо же именно в этот момент поясу моего халата развязаться. Я совершенно не замечаю, что он распахивается. А Мигран, кажется, замечает все, потому что он моментально выпускает мою шею из захвата, тянет меня за шиворот халата.

Пара секунд, и я стою перед ним почти без всего!

Я под халатом была в одних трусиках. Обычных, удобных, хлопковых, какие ношу днем, но меняю на кружевные и кокетливые, ложась в постель к Миграну.

То, как он смотрит на меня... Будто я самая уродливая на свете женщина.

Неловко прикрываю грудь, которую Мигран видел за двадцать лет брака много тысяч раз.

Но то, как он морщится сейчас, смотря на мою грудь... То, каким пренебрежительным взглядом окидывает мое тело...

— Давно надо было с тобой развестись, как женщина ты свое отработала.

Действительно, мне же не двадцать пять, как его любовнице.

У меня же грудь не торчит, как горные пики, я выкормила ею троих детей. Его детей, между прочим. И попа уже не та, кое-где покрыта апельсиновой коркой. И ноги не идеал. И вообще...

Действительно, отчего бы меня не списать в утиль после двадцати лет брака, как отработанный материал.

Большого унижения, чем сейчас, я не испытывала никогда в жизни.

Чтобы твой любимый мужчина смотрел на тебя и говорил в глаза, что как женщина ты себя отработала...

Мне становится так стыдно, будто меня голую выставили на площадь и сотни людей посмеялись надо мной, потыкали в меня пальцами. Признали негодной, и теперь я подлежу изгнанию.

— Дай оденусь! — прошу, чуть не плача.

Но Мигран, вместо того чтобы подать мне халат, который держит в руке, наоборот швыряет его на пол. Потом складывает руки на груди и с пренебрежением цедит:

— Шмотки собирай и вали из моего дома.

Следующие полчаса своей жизни я не запоминаю, они смешиваются для меня в одно мутное пятно из жуткой обиды, боли и унижения.

Потирая больную шею, я одеваюсь в уличную одежду, причесываюсь, даже умудряюсь собрать кое-какие вещи. Действительно сгребая в чемодан трусы-лифчики-носки.

Рука сама тянется к драгоценностям, что хранятся в шка-
тулке на прикроватной тумбе.

— Только посмей тронуть, — тем же тоном цедит Мигран.
— Теперь не твое.

— Не подарил, значит? Поносить дал, получается? — це-
жу ядовито.

Он никак не реагирует, продолжает следить за тем, что я
кладу в чемодан.

Последними идут документы.

Напоследок я хватаю свою ортопедическую подушку.
Хоть убейте меня, не знаю зачем.

Мигран хмыкает и тычет мне на дверь, произносит с над-
менным видом:

— Такси уже вызвал. Оплатишь сама. И да... Чтобы все
деньги мне до копейки вернула, что я тебе вчера на месяц
высылал. Налегке из моего дома выйдешь. Без моих денег
в качестве подушки безопасности, поняла меня? Я для тебя
больше никогда не буду подушкой безопасности.

Мне так противно, что я на эмоциях беру телефон и

вправду перевожу ему деньги.

— Подавись! — шиплю на прощание. — А близнецов я с собой заберу!

— Сначала найди, куда забирать, забиральщица! — ругается Мигран.

Вижу, что снова входит в раж, готовится вывалить на меня очередной ушат помоев. Вот только я слушать не хочу.

Натягиваю сапоги, дубленку и шапку. Выхожу к такси.

Неизвестно, как повел бы себя Мигран, знай он, что я ухожу все-таки не налегке, а с его четвертым ребенком под сердцем. Но я сейчас лучше откушу себе язык, чем признаюсь ему, что беременна.

Даже не оборачиваюсь, сажусь в такси.

— Девушка, вам куда? — спрашивает водитель.

— В другую жизнь, пожалуйста, — прошу, чуть не плача.

Глава 8. Новая жизнь

Ульяна

Оказывается, это совсем непросто — сделать так, чтобы тебя отвезли в новую жизнь. У нее ведь нет ни координат, ни точки на карте.

Поэтому вопрос водителя, куда же меня везти всю такую зареванную, ввел меня в ступор.

Моя жизнь будто лишилась направления, как корабль в шторм, у которого смыло штурвал к чертям собачьим.

Все, на что я в тот момент сподобилась, это продиктовать адрес подруги, Светы. Той самой, которую Мигран так не любит. Впрочем, у них это взаимно.

Теперь сижу на ее кухне и пытаюсь прекратить рыдать.

Получается откровенно паршиво, к слову.

Делаю вид, что пью ромашковый чай, в который подруга добавила аж три ложки сахара. Недаром профессиональный кондитер, все бы ей сладить. И даже мою жизнь.

— Одного не могу понять, — злится Светка, меряя шагами крохотную кухню. — Ты на кой черт ему деньги обратно переводила? Вот я бы ни за что бы такой глупости никогда бы... Твой козел вообще в курсе, что он тебе торчит круглую сумму? У вас же нет брачного договора, Ульян. Грамотный адвокат легко поможет тебе отжать у него не только полови-

ну нажитого состояния, но и полбизнеса, дом и вообще что захочешь!

Моя подруга страшна в гневе, да.

Кажется, в таком настроении у нее даже по-особенному торчат слегка пережатые неудачной завивкой блондинистые локоны. Зеленые глаза так и мечут молнии. Слава богу, не в меня.

— Я надеюсь, ты не собираешься оставить этому козлу все его имущество нетронутым на блюдечке с голубой каемочкой? Чтобы эта его дрянь по имени Розочка пользовалась... — продолжает исходить ядом она.

— Не собираюсь, — качаю головой. — Свет, меня муж из дома выпер! А ты все про деньги...

Не понимаю, почему она меня не жалеет, почему не сочувствует. Ведь меня унизили, втоптали в грязь. Но все, что ее волнует, — деньги.

— Вот именно, — качает головой подруга. — Это не меня с голой задницей выперли из дома и даже драгоценности забрать не дали. Которые, кстати, по закону твои. Как жить собираешься? На что адвоката нанимать? Вообще мысли какие-то есть? Или надеешься, тебе все предоставят за красивые глазки? Ведь в кармане уже нет карточек, которые Мигран будет пополнять.

— У меня есть и свои деньги, — подмечаю со всхлипом. — Я ведь не тратила. Хотела собрать сумму, чтобы близнецам на свадьбу подарить, чтобы так с помпой... Хоть раз по-

казать, что я тоже на что-то способна.

Подруга резко прекращает бегать по кухне, усаживается за стол напротив меня, складывает руки на покрытый белой клеенкой стол. Спрашивает:

— И что? Много собрала? Мне в цифрах, пожалуйста.

— Ну, есть. — Пожимаю плечами и утираю слезы. — Последний год, что работала на полставки в «Сапфире», и до того, что зарабатывала на тортах, тоже получилось прилично. Я же только по эксклюзиву, а он дорогой. В общем, с голоду помирать мне не придется.

— Ха! — Светка очень довольна моим ответом. — А Мигран в курсе про то, что у тебя есть свои деньги?

— Он даже не в курсе, что меня в «Сапфир» на постоянную работу взяли, как думаешь, я говорила ему про зарплату?

— А почему ты ему до сих пор не сказала про «Сапфир»? — хмурится Света.

— О, я пыталась... — Издаю нервный смешок. — Еще когда в предыдущем месте подрабатывала кондитером. Так его величество разорался как потерпевший, мол как это так, его жена где-то в поварах трудиться будет. Устроил мне выволочку, даже вспоминать не хочу...

— Вот говнюк. — Светка поджимает губы. — Сам, значит, на работу не пускал, а теперь вали, дорогая, куда хочешь. Где логика, блин? Как по мне, если не пускаешь жену на работу, значит по умолчанию обеспечиваешь ее до смер-

ти. Иначе как она должна выжить?

— Нет в этом логики, — качаю головой.

— По-мужски себя повел, ничего не скажешь, — продолжает ругаться подруга. — И что, если бы случилось все, как ты хотела, как бы ты подала ему, что у тебя свой подарок близнецам на свадьбу?

— Я надеялась, к тому времени уже как-то выяснится. — Пожимаю плечами и делаю глоток ромашкового чая. — Я не собиралась хранить тайну вечно. Но теперь уж какая разница. Ничего не получится, как я хотела. Ни подарка близнецам, ни другого...

Подруга задумчиво поглаживает белую клеенку на столе. Подмечает:

— Ну, твоим близнецам еще по пятнадцать, может быть к свадьбе успеешь сделать новые сбережения. А на эти пока можно пожить и адвоката нанять. И квартиру снять.

— Как я это все скажу детям... Не представляю даже. Качаю головой.

А в сердце ширится огромная дыра, которую ничем не заткнешь. Как отреагируют сыновья? А Каролиночка моя? Только замуж вышла, ей сейчас не до того совсем, как она воспримет?

— Кстати, как поживают твои архаровцы? — хмыкает Светка.

— Нормально. — Горько усмехаюсь. — Каролинка в Таиланде с мужем, отдыхают.

— Медовый месяц, какая прелесть. А близнецы? — Света щурит глаза.

С грустью обвожу взглядом Светкину кухню.

Вспоминаю, как прощалась с сыновьями этим утром, и делается дурно. Вот уж кому явно понравится новая жена отца, если вспомнить, как они на нее облизывались.

— После школы они собирались на тренировку. Надо им позвонить, — отвечаю со вздохом.

В этот момент меня будто током прошибает.

Представляю всю ситуацию в целом, наш развод. Это ж нам надо будет как-то делить близнецов. А что если... Они попросту не захотят оставаться с матерью? Возьмут да выберут жить с отцом, что им стоит. Они комфорт любят, приставки свои, комнаты просторные, шмотье брендовое. А я... А мне их даже привести пока некуда. В гости пригласить и то разве что к Светке.

Жуть какая!

— Ты что приуныла? — тут же подмечает подруга. — Вспомнила чего?

— Да так, ерунда. — Делаю хорошую мину при плохой игре.

Мысленно готовлю речь о том, что я съехала от отца, что, когда найду квартиру, хочу забрать их жить со мной. Откажут? Как воспримут? Страшно аж до икоты.

Достаю телефон, звоню Артуру.

Первый сын огорошивает меня недовольным тоном:

— Ма, мне некогда. Я потом позвоню.

И бросает трубку.

Даже не интересуется, что такого я хотела ему сказать, раз побеспокоила посредине дня. Может, я помираю вообще? Или случилось что-то другое.

Звоню Араму:

— Дорогой, есть минутка?

— Ма, это снова Артур, Арам оставил мне телефон, переодевается.

— Так может, ты мне все-таки минутку уделишь? — спрашиваю, набрав в легкие побольше воздуха.

— Ма, вот только не начинай, некогда сказал!

На этом Артур снова кидает трубку. Отмахнулся от меня, как от назойливой мухи, честное слово.

Кого я вырастила? Натуральный хам!

Кажется, я только сейчас это подмечаю с такой ясностью.

— Им не до меня, — говорю подруге со скорбным видом.

— Что-то такое я и предполагала, — хмыкает Светка. — Не переживай за своих оглоедов. Если они и заметят, что тебя нет, то разве что потому, что в доме вдруг закончится вся еда. Или чистая одежда. Вот пусть твой Мигран за ними постирает, еду им приготовит и прочее...

— Да он не знает, как печка включается, — прыскаю нервным смехом. — Как к стиралке подходить, не в курсе, хотя он же и покупал всю технику в дом.

— Вот раз покупал, пусть изучит, как она работает. —

Света полна решимости проучить моих по полной. — Или сами справятся, или домработницу наймут. Не бойсь, не помрут без тебя.

— Не помрут, — киваю.

Как выяснилось, я совсем не незаменимый член семьи.

— Кстати, покажи же мне эту шлындру! Я умираю от любопытства. На кого повелся твой козел?

Молча активирую в телефоне приложение, открываю аккаунт Розы в соцсети. Неожиданно мы видим, что она выложила новые сториз.

Обе замираем, просматривая короткие видео, коих тут целых три штуки.

— Обалдеть... — стонем в унисон.

Глава 9. Сториз

Мигран

Я подхожу к окну в гостиной, слежу за тем, как Ульяна уезжает на такси.

До конца не верю, что она правда уходит.

Понимаю, она физически села в такси с чемоданом и ука-тила. Больше того, я сам ее выгнал! И все равно не верю.

Будто, когда все это делал, не думал, что Ульяна уедет по-настоящему.

Уедет и оставит в душе эту огромную пустоту размером с Марианскую впадину.

Чисто рефлекторно сжимаю подоконник, да так сильно, что пальцы начинают неметь.

— Сука! — ору на жену, хотя ее уже давно и след простыл.
— Тварь! Я на тебя лучшие годы жизни убил!

Лучшие, сука, годы.

Да что там годы, я ж ей все! Ульяночка, хочешь бриллианты? На тебе бриллианты. Ульяночка, хочешь дом? На тебе дом. Машина, самые навороченные бытовые приборы, путевки в круиз. Все для нее!

А ей всего-то и надо было, что оставаться мне верной...

Больше ж ничего от нее не требовал. Сидела дома, страдала хренью, пока я день-ночь вкалывал, чтобы у нее все бы-

ло. Что еще нужно?

Где здесь справедливость? Где здесь честность?

Мне за секретаршу так предъявила, что аж искры из глаз летели. А сама...

Закрываю глаза, а передо мной опять она в спальне в одних трусах, после того как я содрал с нее халат.

Стоит такая наглая, холеная, жопа, как у двадцатилетней, ноги идеальные, талия тонкая. Будто не под сорок бабе, а где-то в юности застряла или попросту забыла постареть, как все нормальные люди.

А я смотрю, что это она не жрет в последнее время ничего, кроме салатов. Я поправилась, Мигранчик, я на диете пока...

Ради этого выродка, поди, диеты были!

По гостиницам шляется, тварь такая, Ринаты ей всякие названивают, администраторы по фото узнают...

Я думал, прямо там в холле гостиницы схлопочу от всего этого инфаркт. Да и сейчас сердце бьется с такой скоростью, что кажется, еще чуть-чуть, и крикну.

Крякну, и все мое добро ей достанется. Моей неверной сексапильной супруге, будь она неладна.

Как она думает, я себя чувствую? Окунула меня в такое дерьмо после двадцати лет брака. Она хоть на секунду обо мне задумалась, когда это творила?

Что-что, а такое мне и в страшном сне не приснилось, чтобы я в сорок лет остался один.

Для меня измена — это неприемлемо.

Если баба гульнула, это ничем не оправдать.

Ничто не поможет мне ее простить. Ни слезы, ни валяние в ногах, ни клятвы, что больше ни-ни и никогда.

Но ведь Ульяна и не делала ничего этого! Вместо того чтобы хотя бы попытаться выяснить, за что я ее из дома выгоняю, она развернула свою идеальную жопу и пошла вон, как я и велел.

Потому что кристально ясно поняла, за что в шею гоню! Кристально ясно!

И даже не попыталась извиниться, вот что ранит больше всего. Вот что душит!

Я бы не простил, разумеется. Все равно выгнал бы, да еще пинком под мягкое место придал ускорения. И неважно, насколько ее мягкое место меня привлекает. Но она могла бы хоть попытаться извиниться, разве нет?

Уму непостижимо...

Нет, такое простить невозможно, даже если бы она голая триста раз мне в ноги поклонилась и начала биться башкой об пол.

Измена не прощается.

А моя не просто один раз изменила, она регулярно ездила в эту гостиницу для сношения с этим Ренатом. Иначе мне программа бы не показала столько поездок в одно и то же место, верно? Да и как бы по-другому ее номер телефона оказался у того мужика?

Я эту информацию из него кулаком выбивал, когда припер к стенке. Знатно зубы ему пересчитал.

Так и спросил у него:

— Откуда у тебя телефон моей жены?

Ответ этого штопаного гондона был гениален: «Сама телефон дала».

Сама телефон дала...

Когда я это услышал, у меня буквально звезды из глаз посыпались.

Дальше даже спрашивать ничего не стал. Убить его был готов. Просто взять его тупую башку и разбить о мраморную плитку пола...

Не знаю, чем бы там в гостинице закончилось дело между мной и любовником жены, но меня оттащили охранники. Выволокли на улицу и швырнули в снег.

Но это неважно.

Даже если бы по ребрам напинали, это не имело бы никакого значения... Потому что большее, чем есть, мне уже не стало бы.

У меня жены больше нет!

Мне, считай, душу из тела выдрали.

Я ж любил ее! Я ее в самом деле по-настоящему любил. У меня ни к кому не было таких чувств, как к Ульяне, я с ней старость собирался встречать, умереть с ней хотел в один день. Никто и никогда мне ее не заменит.

Она же знает... Знает, что я ни за что и никогда не прошу

такое. На кой хрен она это сделала? Что в мозгах у этой бабы? Она же могла догадаться, что это будет точка в наших отношениях. Большая жирная точка!

Я не понимаю.

Я просто не могу этого понять.

С течением времени дикий гнев, что бушевал в душе целый день, только усиливается.

Наконец, оторвав успевшие онеметь пальцы от подоконника, я срываюсь с места, спешу в кладовую. С горем пополам нахожу пакеты для мусора, потом спешу на второй этаж в нашу спальню.

Но прежде, чем набить пакеты тряпьем жены, пишу Розе: «Приезжай, ты теперь живешь в моем доме».

Сую телефон в карман и начинаю уборку комнаты.

Первой в мусорку идет шкатулка с драгоценностями Ульяны. Ей не отдал и не отдам из принципа. Она не будет щеголять в украшениях, которые я с такой любовью выбирал и дарил ей на каждый праздник.

Обещал девке, что будет ходить в золоте, и ходила. А она мне обещала хранить верность, и не сдержала обещания!

Ничего не заслужила!

Ни шуб своих, ни платьев шикарных, ни всяких фенов своих элитных и духов.

Все на хрен в пакеты для мусора.

Я все это хочу сжечь...

Сжечь! Устроить большой такой костер... Если бы не

снег, сейчас и подпалил бы все на заднем дворе, и плевать, что это противозаконно. Нынче ж что, даже шашлык нормально во дворе не пожаришь, гады все позапрещали.

Придется выкидывать на мусорку... А вдруг растащит кто? Я не хочу, чтобы кто-то ходил в вещах моей жены. В том числе и она!

Как есть все оттаскиваю в гараж, складываю в угол, благо место для машины Ульяны пустует, ведь авто в сервисе. Потом решу, что со всем этим делать.

Возвращаюсь в дом, и слышу, как к дому кто-то подъезжает. Выглядываю в окно, проверить, кто подъехал.

Это такси...

У меня все внутри екает. Отчего-то кажется, что это Ульяна. Аж ладони потеют от такой перспективы.

Сейчас ка-а-ак вбежит в дом, ка-а-ак начнет каяться да прощения просить... В идеале на коленях.

Но умом понимаю, это не Ульяна, не может быть она.

И вправду из такси показывается Роза.

С чемоданчиком!

И это через час после того, как я пригласил ее жить.

Дежурила, что ли, где-то неподалеку с вещами? Другого оправдания ее быстрому появлению я не вижу. Или у нее есть сумка быстрого реагирования? На случай если кто-то жить позовет.

А впрочем, неважно.

Выхожу встречать.

Роза, счастливая до потери пульса, спешит ко мне, хочет кинуться на шею:

— Мигран Аветович, я так рада! Я так надеялась, так мечтала...

Молча убираю ее руки от себя, строго говорю:

— Я все эти нежности не люблю, не лезь ко мне с таким.

Еще я с ней не лобызался на улице, жена она мне, что ли? Никакая не жена.

Жду, когда она подхватит чемодан, приглашаю ее в дом.

— Слушай команду, — говорю ей. — Сториз снимай и выкладывай. Поняла?

— Сториз? — Она сначала не понимает.

Поясняю:

— Я выгнал из дома жену и объявил ей, что отныне буду жить с тобой. Сделай побольше доказательств. Справишься с этой нехитрой задачей?

Да, каюсь, грешен, хочу ковырнуть Ульяну побольнее. Но учитывая, что она со мной сделала, еще и не того заслужила, и еще заслужит. Ведь не думает же она, что развод у нас будет мирным.

Вижу, как блещат глаза Розы.

Она схватывает идею на лету.

Достает телефон и, даже не разобрав вещи, идет выполнять команду.

Дело близится к вечеру, Роза шустрит на кухне, готовит ужин. Я обхожу дом в поисках вещей Ульяны, чтобы все-все ликвидировать, чтобы глаза не мозолило. А оно все мозолит! В какую комнату ни зайди, тут плед, там книга, сям вазочка с цветами. Повсюду жена, ее дух, ее запах. И с каждым таким вот найденным артефактом мне становится все хреновее.

Неожиданно в дом вваливаются близнецы.

Каждый орет на свой лад:

— Ма, ты помыла мои кросы?

— Ма, мне надо на вечер те джинсы, что я вчера заказывал. Ты же забрала заказ, да? Я ж тебе писал?

Выхожу к ним, складываю руки на груди и объявляю:

— Ваша мать здесь больше не живет. Отныне двери этого дома для нее закрыты, мы разводимся.

Надо видеть, как у близнецов падают челюсти. Бедные мальчишки, не ожидали, что Ульяна всех нас так предаст.

Глава 10. Откровения

Мигран

Близнецы как стояли на месте с раскрытыми ртами, так и стоят. Будто пропустили мое объяснение мимо ушей. Или это шок?

О, конечно же, мои мальчики в шоке. Бедные, несчастные дети.

Подхожу к ним ближе, пытаюсь успокоить:

— Для вас ничего не изменится. Вы по-прежнему мои любимые сыновья, будете жить со мной, как и раньше ни в чем не зная отказа...

Первым отмирает Артур. Смотрит на меня так, будто я ударенный головой, и спрашивает:

— Бать, ты че, грибов объелся? Мать где?

Надо же, и вправду все прослушали. Головы им там поотбивали на тренировке, что ли? Недаром занимаются тайским боксом.

Набираю в грудь побольше воздуха, говорю максимально спокойным тоном, на какой только способен в этой непростой ситуации:

— Мать здесь больше не живет, мы с вашей матерью разводимся.

— Че?! — Это уже Арам. — Че происходит-то?

Наконец не выдерживаю:

— Вы, кроме слова «че», еще какие-то слова знаете?!

Эти близнецы кого угодно до белой горячки доведут, ей-богу.

— Объясни, что случилось? — разводит руками Артур.

— Ваша мать нас всех предала! — выдаю правду на-гора.

— Когда-нибудь, когда вы подрастаете, я вам все объясню. Но не сейчас. Просто знайте, что как прежде уже никогда не будет. Мы с матерью больше никогда не будем вместе.

Надо же именно в такой животрепещущий момент появиться Розе с объявлением:

— Ужин готов.

— Это че? — пыхтит Артур и тычет в сторону Розы указательным пальцем.

— Слово «че» из лексикона вычеркнул. — Строго на него смотрю. — Оба пошли мыть руки и есть. Живо! Если не хотите остаться без ваших драгоценных приставок, телефонов, планшетов, ноутбуков, а заодно и карманных денег. Ать-два! А то разговорились мне тут.

Близнецы, понутив головы, уходят в ванную.

Я же прохожу в столовую, сажусь на место главы семьи. Передо мной как по мановению волшебной палочки появляется чашка любимого кофе. Прямо как в офисе.

Делаю глоток и глубоко задумываюсь.

Во что превратилась моя жизнь? Какое-то нереальное дерьмище, и все за какие-то сутки.

Двадцать четыре гребаных часа, которые изменили все.

За своими тяжелыми мыслями даже не замечаю, как Роза спешит накрыть на стол.

Через пару минут появляются близнецы.

Угрюмые, молчаливые, они рассаживаются по своим местам.

— И че, мы типа это есть должны? — спрашивает Арам, указывая на блюда с салатами, которые Роза поставила для каждого члена семьи.

Смотрю в свою тарелку и недоумеваю.

Трава какая-то, мелкие помидоры. Так и хочется спросить — мясо где? Видимо, оно будет позже.

Должно быть, Роза читает мои мысли, потому что тут же начинает оправдываться:

— Еще курочку запекла в духовке, сейчас принесу. И бутерброды тоже...

С этими словами она снова убегает на кухню.

Я журю пацанов:

— Ешьте что дают и не кривите физиономии. Не отравой вас потчуют. Могли бы и поблагодарить, человек ради вас старается...

Даже неловко становится за их поведение.

Близнецы ничего не отвечают, но и к еде не прикасаются тоже. Наверное, мясо ждут.

Вскоре Роза вправду появляется с блюдом, на котором возлежит вполне аппетитная на вид зажаристая курица.

Но она не успевает даже дойти с этим блюдом до стола, как от Артура прилетает вопрос:

— А Роза типа наша новая мать?

Мне становится еще хуже, чем раньше. Никто и никогда не заменит детям Ульяну... Уж тем более Роза, которая тут только потому, что мне захотелось уесть будущую бывшую жену.

— Роза вам не мать, — отвечаю угрюмо.

Лицо Артура приобретает хищное выражение. Он зло смотрит на Розу и говорит:

— Тогда почему она носит фартук матери?

— Серьезно, пусть снимет. — Арам еще больше недоволен. — Может, она еще и материны тапочки с зайчиками напялит? Снимай давай, охренела, что ли, чужие вещи брать?

Роза с тяжелым блюдом в руках замирает прямо посреди-не гостиной. С опаской пялится то на меня, то на пацанов. Взглядом просит вмешаться.

— Снимай давай, воровка! — подливает масла в огонь Артур.

Моя нервная система наконец не выдерживает.

Я стучу кулаком по столу и гаркаю на них:

— А ну заткнулись! Ишь ты, они еще выговаривать будут за какой-то вшивый фартук. Вы б лучше отца пожалели, скандалы устраивать в такой день. Молча сидите и ешьте и проявляете уважение, иначе, клянусь богом, всех гаджетов лишу...

— Лишай, — вдруг рывкает в ответ Артур.

Достает из кармана телефон, швыряет его в блюдо с хлебом и поворачивается к выходу.

— Куда собрался? — Строго на него смотрю.

— К матери, — цедит он, при этом неприязненно смотрит на меня через плечо.

— Может, еще и жить у матери будешь? — хмыкаю зло.

— Может и буду, — упрямится он.

— Ну и чеши отсюда! — Зло машу рукой. — Без телефона, без денег и без вещей, купленных на мои деньги. Ноги в руки и пошел! Раз такой гордый...

Когда я говорил это, на самом деле не думал, что Артур куда-то уйдет. Но... Он наглым образом чешет на выход. Хлопает входной дверью так, что кажется, с дома слетает крыша.

Что хуже всего, Арам поднимается с места.

— Сидеть! — рывкаю на него. — Или тоже хочешь, как брат, без всего на улицу?

Мой сын молча достает мобильник из кармана, швыряет его в тарелку с салатом и уходит вслед за братом.

Без оглядки. Нагло... Показательно!

Охренели детки, просто охренели. Ульяна вконец их разбаловала! Они что думают, я сейчас следом за ними побегу?

— Может, не стоило с ними так резко, — вдруг слышу лепет Розы, которая продолжает стоять посреди гостиной с блюдом в руках. — Я могла снять фартук...

— Не в фартуке дело. — Грустно усмехаюсь.

Не понимает она, что ли?

Поднимаюсь с места, кидаю скомканную салфетку в свое блюдо с салатом.

— Прибери здесь все, пропал аппетит.

С этими словами уйду на второй этаж в кабинет.

Там в уединении включаю программу отслеживания геолокации смарт-часов близнецов. Ну да, оба моих болванчика движутся в направлении квартиры Светланы Оболенской, лучшей подруги моей жены. Потому что где ж ей еще быть, как не там, у стервы той блондинистой?

Скрежещу зубами, потому что самовольство отпрысков бесит!

Нет чтобы отца поддержать в такой день, они побежали к матери под юбку.

Вот только ненадежная та юбка! Ох ненадежная... Да к тому же что она сможет без моих денег? Что им предложит? Нечего ей им предложить. Помыкаются да вернутся. Чуть потусят в однушке Светланы да и прикатят домой, ведь им там даже разместиться будет негде.

В их желание жить с матерью я не верю ни на грош. Это блажь, чтобы позлить меня, не более.

Кстати, Ульяна ведь может быть и не у подруги. Могла и к любовнику поехать, так?

Стоит только об этом подумать, как у меня снова начинает искрить в мозгу, перегорают предохранители.

Я не понимаю, как жена решилась так вероломно меня предать...

Сколько было надежд, сколько планов. По миру поездить, внуков растить. Может и уговорил бы ее на четвертого ребенка, ага... Вот уж чего в нашей жизни точно теперь никогда не случится, так это новой беременности жены.

Все в трубу.

Все!

Не знаю, сколько провожу времени в кабинете, пялясь в пустоту.

Уже ночью возвращаюсь в спальню.

Вдруг вижу на нашей с Ульяной кровати, прямо на коричневом покрывале, лежит розовый кружевной пеньюар. Незнакомый.

Явно вещица Розы.

И меня коробит.

Потому что ее пеньюар смотрится в этой комнате инородно. Как и сам факт того, что я пустил сюда другую женщину.

Вижу в ванной свет через полуоткрытую дверь, открываю и застаю прелюбопытнейшую картину.

Роза стоит возле полочки с полотенцами, держит при помощи обрывка туалетной бумаги какую-то пластиковую полосу.

Подхожу, смотрю, что у нее там.

А это тест на определение беременности. Положительный!

Я моментально задыхаюсь от злости.

— Ты охренела, что ли? — громко возмущаюсь. — Я тебя в пилотку еще ни-ни, чтобы ты совала мне тесты...

— Он не мой, — блеет Роза и смотрит на меня квадратными глазами. — Я перебирала полотенца, а он упал откуда-то...

— Чей тест? — спрашиваю угрюмо.

Роза не отвечает, продолжает на меня глазеть.

С запозданием, но до меня все же доходит, что единственная женщина, кому мог принадлежать этот тест, — моя жена.

Ульяна беременна.

Глава 11. Искры из глаз

Мигран

— Что? Этого быть не может! — Я перехватываю треклятый тест из рук Розы и плююсь на него, как на нечто инородное, иноземное, даже инопланетное.

Каковы были шансы, что такое может случиться?

Мозг будто перешелкивает мое сознание.

Моментально отправляет в прошлое.

Далекое прошлое, когда у нас с Ульяной все только начиналось.

Ведь все тоже пошло практически с теста на определение беременности.

Моим родителям Ульяна дико не нравилась, а мне — очень.

Я с самого нашего знакомства от нее балдел. Как только увидел ее в университете, поплыл, как какой-то школьник, хотя учился на три курса старше.

На свидания звал, прохода не давал.

Кино, кафе, парк, море... Куда только ни приглашал, но всегда слышал это ее «нет».

Нет, и точка. А почему — не пойму.

Понятное дело, я следил, чтобы никто ее не трогал, ведь после других запахло. Да и зарился на нее не только я, ведь

красивее Ульяны на курсе попросту никого не было. Я хранил ее для себя, сразу понял — чувства у меня к ней серьезные.

С меня сошло семь потов, пока не получил свое первое долгожданное свидание с ней. Это потом она объяснила, что подруги напели ей небылиц о том, как я очень некрасиво бросил одну первокурсницу. Вот она и не рисковала. Ведь меня фактически записали в черный список, как это у девчонок водится.

Козел и подлец номер один.

То, конечно, были никакие не небылицы, но и не сплошная правда.

Случай вышел зубодробительный — та девчонка залетела не пойми от кого, а мне доказывала, что от меня, хотя я лично знал еще троих, с которыми она спала. Я отслюнявил ей деньги на аборт. Естественно, история обросла новыми абсолютно нереальными деталями и уже в таком виде дошла до Ульяны.

Я сказал моей девочке, что знать ту шаболду не знал и эту историю попросту придумали для нее.

Соврал, да.

Что ни сделаешь ради любви. Так в своей лжи ей потом и не признался.

Я уложил Ульяну на лопатки при первой возможности, само собой. Сделал это с удовольствием, и резинкой не воспользовался, хотя была с собой. Потому что хотел, чтобы она

как можно скорее от меня залетела. Чтобы замуж взять. По-другому мои родители ее не приняли бы и не дали бы разрешения на брак.

До сих пор помню, как Ульяна сказала мне о самой первой, самой волшебной своей беременности. Подошла ко мне с такой вселенской печалью во взгляде, что меня всего аж изнутри пробрало.

Показывает мне тест и шепчет онемевшими губами:

— Беременна...

Я даже поначалу не разобрал, что она говорила, испугался, что с ней что-то случилось.

А она боялась, что я ей тоже деньги на аборт суну — вот как аукнулась давняя история с другой девушкой.

Само собой, Ульяну я ни на какой аборт не отправил, домой привел, сказал родителям, что хочу на ней жениться.

И начало-о-ось...

Мама до сих пор Ульяну не слишком жалует. Да и отец тоже.

А через несколько лет, когда Ульяна засобиравлась на работу, я ей близнецов бахнул. Чтобы мысли глупые в голову не приходили.

В беременности близнецами уже ничего волшебного не было.

Трудные дети. Что достались с трудом, что воспитываются с трудом.

Ульяна ростом небольшая, по молодости так вообще ху-

денькая была, а живот чуть на нос не налезал.

Но то, как она мне призналась в беременности близнецами... Трогательно, с придыханием, аж до мурашек меня пробрали ее слова.

И вот новая беременность.

О которой она мне даже не сказала!

Я задыхаюсь от одной этой мысли, что меня не посчитали достойным, чтобы сказать.

Она меня этим ранила в самое сердце.

Как это так? Как такое может быть? Я же отец. Я что, был таким хреновым отцом ее детям?

Тест она оставила, а рот раскрыть и сказать не судьба?

Вдруг меня прошивает догадка — что, если ребенок не мой?

Завтра же за руку схвачу, ДНК-тест сдавать потащу...

Я достаю телефон, делаю снимок теста и отправляю жене.

Снабжаю надписью: «Это что, твою мать, такое?»

Понимаю, что надпись и близко не выражает глубины моего возмущения, звоню ей...

Раз, другой, третий, а там даже гудка не идет. Ни звука в трубке, будто не номер набираю, а тыкаю пальцем по экрану хохмы ради.

Я же так с ума сойду.

— Роза, дай телефон! — требую.

Глава 12. Как она могла?

Ульяна

К вечеру мы со Светкой успеваем обсудить всю ситуацию от «а» до «я», но лучше она от этого не становится.

А потом я все же догадываюсь проверить телефон.

Честно сказать, ввиду сложившейся ситуации мне было малость не до него. И оказывается, я пропустила два звонка от начальника.

Новый директор ресторана гостиницы «Сапфир» Ренат Алексеевич Азимов зачем-то мне звонил. И перезванивать поздновато — вечер.

Читаю сообщение на почте от него же: «Извольте явиться завтра на работу, будет серьезный разговор».

Как только до меня доходит смысл написанного, внутри все холодеет.

Он никогда не присылал мне раньше никаких имейлов. Обычно если начальству что-то надо, я узнаю это от су-шефа. Даже шеф-повар и тот не так уж часто снисходит до общения с персоналом, слишком занятый своими делами. Он доверяет это су-шефу. А вот Ренат Алексеевич зачастил на кухню, да.

— Светка. — Показываю ей сообщение от руководства.
— Как думаешь, что ему было надо? Я ж еще утром написана

Анне Владимировне, отпросилась на сегодня, сказала, что по семейным обстоятельствам.

Я спрашиваю ее, потому что Светлана все-таки лучше знает подход к руководству, ведь перебралась работать в ресторан при гостинице «Сапфир» на год раньше, чем я, и трудится там не три дня в неделю. Собственно, это она меня туда и перетащила.

— Не знаю, — пожимает она плечами. — У меня сегодня законный выходной, у тебя — почти законный выходной, ты ж отпросилась. Вот завтра и узнаем, что он от тебя хотел... И вообще, давай закажем пиццу? А то столько слез пролили и ничем их не заели. Даже мороженого у меня нет. Точно, давай закажем пиццу с мороженым!

— Кто из нас беременный, ты или я? — Смеюсь сквозь слезы.

Но пиццу мы все же заказываем, а также десерты.

— Куда ты столько? — ругаю Свету. — Мы ж не троглодиты.

— Не знаю, как у тебя, а у меня на фоне стресса приличный аппетит.

Молчу, глядя на изрядно покруглевшую за последние годы фигуру подруги. Похоже, стресса у нее с избытком, раз она так усиленно его заедает. Но я лучше откушу себе язык, чем скажу ей об этом. Поди, у нее есть зеркало, и она в курсе дела, как выглядит и сколько весит.

— Сегодня останешься ночевать у меня, — командует

Света. — Постелю тебе на раскладном кресле, поместишься нормально?

Я с сомнением смотрю на старенькое, но вполне себе удобное кресло.

— Помещусь, — киваю. — А завтра начну поиск квартиры.

В которой буду жить одна-одинешенька... Скорей всего.

Стоит только вспомнить, что близнецы за целый день обо мне даже не вспомнили, как мне делается совсем нехорошо. Даже минутки не нашли, чтобы перезвонить! И что от них теперь ждать?

В сердце натуральная дыра и из-за мужа и из-за них, родимых. Ведь я полжизни посвятила им...

Из горьких мыслей меня вырывает звонок в дверь.

Мы обе оборачиваемся в сторону прихожей.

— Наверное, пицца. Открой, пожалуйста, — просит Света.

Выхожу в прихожую, отпираю дверь.

А там не пицца.

Там мои родимые, ненаглядные детки.

— Ма-а-ам... — стонут они в унисон и лезут обниматься.

Прямо так — в уличной одежде, облепленные снегом.

Они сто лет не обнимали меня вот так. И, пожалуй, мне все равно, что они мокрые и холодные с улицы. Я так рада их видеть, что сердце щемит. Согреть их хочу.

— Мы будем жить с тобой! — огорошивают они меня.

— Ну вот, нашли, прискакали. Нигде ты от своих оглоедов не спрячешься, — прыскает смехом Света у меня за спиной.

В тесноте, да не в обиде.

Близнецы и вправду остались сегодня ночевать тут же. Разумеется, сначала слопали всю пиццу и мороженое, которое мы заказали. Сходили за новой порцией в соседнюю пиццерию, а потом слопали и ее.

Мы надули для них надувной матрас и уложили спать как есть, даже без подушек. Хорошо, что хоть пледы для них нашлись. В качестве подушки они использовали гуся-обнимашку, здоровенную плюшевую игрушку, которая жила у Светки на диване. Одного на двоих.

Теперь вся честная компания спит.

Но я не могу последовать их примеру. Мозг давно перегрелся от всех переживаний, что выпали на мою голову, и теперь озаряет мое сознание редкими вспышками дурных мыслей. Все о Мигране, нашем будущем, будущем моего нового ребенка и так далее и тому подобное.

Не в состоянии заснуть, я читаю на телефоне новостную ленту.

Неожиданно мобильник жужжит сообщениями о том, что мне пытался дозвониться абонент «Любимый муж». Еще не успела переименовать.

О боже, а ему-то что надо на ночь глядя? Еще не все мне сказал?

В один из мессенджеров, где я забыла его заблокировать, падает фото теста на беременность.

Как только это вижу — внутри все холодеет.

Ведь фото сделано в нашей ванной. И я, дурында, кажется, забыла выкинуть тот свой тест! Да, точно, память услужливо подкидывает картину того, как я кладу его возле полотенец на полку. Как бомбу замедленного действия. Я ведь не хотела пока что говорить Миграну!

Осторожно поднимаюсь, перешагиваю через спящих близнецов, пробираюсь на кухню.

Решаю выпить еще ромашкового чая, ведь все равно не усну. После такого-то стресса. Заодно попытаюсь решить, что делать дальше.

А потом мне звонит Розочка...

Натурально! Я как-то записала ее так, ведь эта выдра была со мной супермила, пока работала на мужа. Я и знать не знала, что она на него зарится.

И вот она мне звонит.

На автомате беру трубку, хотя не жду от этого разговора ничего хорошего.

Однако со мной говорит даже не Роза.

На меня орет Мигран:

— Как ты могла? Как ты посмела не сказать мне о беременности? Чей это ребенок, Ульяна? Признайся мне!

Да уж. Казалось, дно уже пробито, но оттуда постучали.

— Ты звонишь мне ночью с телефона любовницы, которая шастает по нашему дому и спрашиваешь, чей у меня ребенок? — Я намеренно выделяю слово «меня». — Гори в аду, Мигран!

На этом я бросаю трубку.

У этого человека нет совести.

Глава 13. В засаде

Мигран

Ночь, улица, фонарь и я... За рулем своего свежотремонтированного лексуса.

Слежу за всем, что происходит у подъезда старой хрущевки. Бдю.

Впрочем, о чем это я, уже утро. Я провел тут несколько гребаных часов!

Да, я ровно настолько двинутый на голову, что прикатил сюда посреди ночи, потому что попросту не мог оставаться дома. А кто бы смог на моем месте?

После того как Ульяна бросила трубку, она ведь и телефон Розы заблокировала! Я, конечно, мог бы метнуться в магазин за новой сим-картой, но это было бы бессмысленно.

Ульяна мало того что не думает о судьбе близнецов, раз приняла их у себя, но и о новом ребенке не думает тоже! Как она его будет кормить? На что содержать? Где она будет рожать?

Не девочка уже!

Ей, вообще-то, тридцать восемь — это на случай, если она забыла.

Нужен уход, витамины там всякие. Ульяна разве не помнит, сколько намучилась в последний раз? И угроза выки-

дыша была на шестом месяце, и тонус, и вообще. Сколько я поездил, сколько повозил ее по врачам. Сколько нервов потратил, пока стоял под окнами роддома, когда она рожала.

Так в прошлый раз она была молодая коза, а теперь при ее-то возрасте...

О чем эта женщина думает? Как она собирается без меня справляться? Без моей-то поддержки. Ишь ты, молчать она решила про беременность.

Дура!

А что если там тоже близнецы? Мои...

Думаю об этом и холодею, так страшно за их судьбу.

Вот поэтому и сижу. Вот поэтому и слежу.

Жду, чтобы никуда не смылись, чтобы ничего с ними не произошло.

К тому же поймать хочу, поговорить.

Для начала нам действительно нужно как следует все обсудить, ведь так с ума можно сойти!

Семь утра.

Семь тридцать.

Светает...

Моя задница приобретает квадратную форму от сидения на одном месте, и неважно, насколько у меня удобное кресло.

Жалкий, обшарпанный подъезд хрущевки уже начинает казаться проклятым. Заколдованным. Потому что из него вообще никто не показывается.

И наконец они появляются.

Из-за утреннего мороза замотанные в шарфы и шапки, упакованные в пуховики.

Выскакивают все трое сразу, причем в компании этой блондинистой выдры, Светланы. Один бог знает, как я не перевариваю подругу жены.

Это ее бывшая одноклассница, потом однокурсница, она всю нашу жизнь незримо присутствует в семье. А бывает и зримо, когда Ульяна приглашает ее на праздники. И вечно этот взгляд в мою сторону. Осуждающий, презрительный. Как будто я забрал ее лучшую подружку в рабыни и всю ее пользую.

В один момент я даже запретил Ульяне с ней общаться, но она все равно общалась втихушку.

Тихушница!

Самая настоящая тихушница. Она всегда так делает — ты ей что-то запрещаешь, она типа соглашается, а потом все равно поступает как ей надо.

Не удивлюсь, если именно благодаря своей ненаглядной Светлане Ульяна и оказалась в том «Сапфире». Наверняка, подруга науськала Ульяну против меня, и та по итогу завела любовника.

Поздно сообразив, что могут уйти, я выскакиваю из машины, спешу к ним.

Надо видеть физиономии волшебной четверки.

Глаза таращат, рты открыты... Будто врассыпную сейчас

бросятся, ей-богу.

— Вы что, всерьез не ожидали, что я приеду? — Складываю руки на груди. — Я разочарован, не ожидал, что вы так плохо меня знаете...

Так и надавал бы им всем по заднице за все их художества.

И Светлане тоже, для симметрии.

— Что ты тут делаешь? — Ульяна впечатывает в меня строгий взгляд.

Игнорирую ее вопрос, строго смотрю на Светлану:

— Сделай одолжение, уйди, мне надо поговорить с семьей.

Если сама не догадалась, что свидетели тут ни к чему, это сугубо ее проблемы.

— А они что, тебе до сих пор семья? — фырчит нахалка.

— Что ж ты семью из дома выгнал, раз такой заботливый, что аж спозаранку прискакал.

— Я детей не выгонял, — зло подмечаю.

— Мы там, где мама! — отзываются близнецы.

Чем злят меня окончательно.

Ведут себя так, будто я им не отец родной, а не пойми кто.

Есть у меня в заглазнике один зверский взгляд, которым награждаю людей, чтобы без слов понимали, что пора спасаться бегством. Его-то и являю Светлане. Зыркаю на нее так грозно, что ей и без моего гарканья понятно — пора отвалить.

Она отступает назад, делает шаг в сторону, бормочет:

— Я на работу, если что звони.

Вправду спешит дальше по тротуару к остановке.

— И нам пора, — строго говорит Ульяна.

— А вам куда? — Сурово на нее смотрю.

— Близнецам в школу, а мне по делам...

— И как они пойдут в школу? — ядовито цежу. — Без учебников, во вчерашней одежде. Классно ты следишь за детьми. Во!

Показываю Ульяне большой палец.

Она моментально тушуетсЯ.

Но наши сыновья становятся на ее защиту:

— Вообще не проблема, у Насти тетради возьмем. Ручек у нее всегда в запасе, скажем, что забыли учебники дома. Не проблема.

Настя — подруга, с которой они везде ходят.

— В машину сели, — командуЮ им строго. — Я отвезу вас домой, вы возьмете все что нужно, и потом я отвезу вас в школу. Ать-два, живо!

Но эти поганцы и не думают слушаться.

Неожиданно Ульяна говорит:

— Вам и вправду лучше зайти за вещами и учебниками. После школы с вами созвонимся, ладно? Будем действовать по плану.

Тихо так говорит, даже ласково. А эти оболтусы уши развесили, кивают ей, как болванчики. Когда б еще было такое послушание?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.